Разрушающій и созидающій міры.

(По поводу 80-лѣтняго юбилея Толстого.)

The time is out of joint...
W. Shakespeare.

I.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ бытность свою въ Парижѣ Толстому случилось однажды присутствовать при смертной казни. Онъ нигдѣ подробно не разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ отъ этого ужаснаго зрѣлища. Только однажды въ «Исповѣди» встрѣчается у него слѣдующее краткое замѣчаніе: «Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла и то, и другое врозь застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка и, что, *если бы всѣ люди въ мірѣ*, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно, *я знаю, что это не нужно, что это дурно*». Толстой былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ—ему было что-то около тридцати лѣтъ, и вотъ тогда уже онъ находилъ возможнымъ противопоставлять свое личное сужденіе сужденіямъ всѣхъ существующихъ и существовавшихъ съ сотворенія міра людей. И, безъ всякаго сомнѣнія, въ приведенныхъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія. Во всемъ мірѣ за все время его безконечнаго существованія нельзя было бы найти такую силу, которая могла бы принудить Толстого отказаться отъ его убѣжденія и признать смертную казнь не то что нужной или хорошей, но имѣющей хотя бы какое-нибудь оправданіе. Это—съ одной стороны. Съ другой же, очевидно, и у Толстого не было той силы, которая могла бы заставить людей перестать казнить своихъ ближнихъ. Теперь, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его путешествія въ Парижъ, онъ снова съ тѣмъ же негодованіемъ и съ той же страстью возстаетъ противъ смертной казни: «не могу молчать», кричитъ онъ на весь міръ,—и снова безрезультатно. Теперь онъ уже не неизвѣстный молодой графъ, путешествующій по Европѣ, теперь онъ самый знаменитый изъ всѣхъ, живущихъ

на землѣ людей, теперь его слышитъ весь міръ. Но и теперь его громкій протестъ, какъ и тогда его молчаливое негодованіе, не оказываетъ никакого дѣйствія. Его слышатъ, но съ нимъ не считаются и продолжаютъ казнить. Толстой не уступаетъ и не уступитъ; міръ тоже не уступаетъ и не уступитъ, никогда не уступитъ: это знаютъ всѣ, это знаетъ и самъ Толстой.

Этотъ случай необыкновенно характеренъ для Толстого. Вся жизнь его—есть непрерывная борьба. Онъ хочетъ преодолѣть и передѣлать дѣйствительность, которую онъ искренно, отъ всей души ненавидитъ и въ борьбѣ съ ней развиваетъ необыкновенную, титаническую мощь и силу.

Люди восторгаются Толстымъ, преклоняются передъ нимъ, но дѣйствительность не поддается, остается тою же, что и прежде. Она даже какъ будто вдвойнѣ торжествуетъ: вѣдь Толстой, огромный, колоссальный Толстой—тоже ея дѣтище, плоть отъ ея плоти, кровь отъ ея крови. Онъ принадлежитъ ей, онъ, протестующій и проклинающій ее. Своего великаго Толстого она никому не отдастъ...

Тогда же, за границей, Толстому пришлось увидѣть еще вторую смертную казнь,—но уже не отъ руки человѣка. Умеръ его старшій братъ, добрый, умный, хорошій человѣкъ. Вдругъ неизвѣстно почему заболѣлъ и черезъ годъ тяжелыхъ мученій скончался. Опять ужасъ, опять Толстой могъ бы повторить, что, если бы всѣ существующіе и всѣ существовавшіе отъ сотворенія міра люди стали бы убѣждать его, что это нужно, что это хорошо, онъ знаетъ, что это дурно, безусловно не нужно, что этого быть не должно. Но онъ даже уже не говоритъ этого и теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ не обращается къ природѣ, какъ обратился къ людямъ со своимъ страстнымъ призывомъ: «не могу молчать».

Съ людьми бороться кажется возможнымъ, негодовать противъ природы—безуміе.

Всѣ знаютъ, чѣмъ и какъ отвѣтилъ Толстой на эти двѣ смерти. Онъ вернулся въ Россію, сперва было занялся литературой и литературно-педагогической дѣятельностью, но вскорѣ женился и исключительно отдался своей семейной жизни, личнымъ дѣламъ и художественному творчеству. И если бы въ то время, т.-е. въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, кто-нибудь попытался сказать Толстому, что его отвѣтъ—не отвѣтъ, что онъ не имѣетъ права ни на семейное счастье, ни на дѣловыя радости, ни на художественное творчество, онъ бы умѣлъ дать отпоръ всякому и защитить свои права отъ непрошенныхъ учителей. «Я стою у своего дома съ кинжаломъ и револьверомъ, пусть осмѣлится кто-либо войти въ него». И голосъ его звучитъ такой рѣшительностью и непреклонностью, что едва ли кто-нибудь безъ крайней нужды сталъ бы вступать въ борьбу съ нимъ. Каждому ясно, что тутъ было бы дѣло не шуточное и что борьба предстояла не на жизнь, а на смерть. Толстой былъ готовъ и умѣлъ постоять за себя.

А между тѣмъ, по возвращеніи изъ-за границы въ жизни Толстого былъ періодъ, когда онъ чувствовалъ, что онъ погибъ, что защищать револьве-

ромъ и кинжаломъ нечего, ибо у него нѣтъ дома, нѣтъ жизни, ибо онъ самъ совсѣмъ сошелъ на нѣтъ. Его педагогическая дѣятельность, какъ теперь уже для всѣхъ очевидно, была лишь попыткой спастись путемъ какой угодно трудной, сложной, поглощающей работы и заботы отъ неминуемой гибели. Ему нужно было дѣйствовать, нападать, бороться—объ этомъ свидѣтельствуютъ въ достаточной степени его педагогическія статьи, на три четверти состоящія изъ страстной, рѣзкой, часто несправедливой полемики. Все, что дѣлаютъ учителя и общественные дѣятели—скверно, все не такъ. Все нужно радикально измѣнить, все передѣлать. Даже впослѣдствіи, послѣ женитьбы эта вражда къ признаннымъ педагогамъ и земскимъ дѣятелямъ продолжала по инерціи жить въ Толстомъ, хотя, собственно, причинъ, ее вызвавшихъ, уже давно не было. Но школьная дѣятельность, разумѣется, не удовлетворила и не успокоила Толстого. Наоборотъ, она еще болѣе разстроила его. «Я чувствовалъ,—признается онъ самъ черезъ много лѣтъ въ «Исповѣди»,—что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться... Я заболѣлъ болѣе духовно, чѣмъ физически—бросилъ все и поѣхалъ въ степь къ башкирамъ—дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животной жизнью».

Какимъ же образомъ отъ этого полубезумнаго душевнаго состоянія пришелъ Толстой къ тому внутреннему спокойствію, которое, по его собственнымъ словамъ въ «Исповѣди», дали ему первыя пятнадцать лѣтъ семейной жизни? Объ этомъ въ «Исповѣди» почти ничего не говорится. «Исповѣдь» разсказываетъ лишь о томъ, почему съ Толстымъ произошелъ переворотъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, какъ же онъ спасся отъ своихъ ужасовъ въ молодости, объ этомъ мы можемъ судить, вѣрнѣе, умозаключать, лишь по тѣмъ слѣдамъ, которые его внутреннія переживанія оставили на его художественныхъ произведеніяхъ. Въ «Исповѣди» мы находимъ всего лишь одно, правда чрезвычайно важное и цѣнное для насъ указаніе. «Я бы,—говоритъ Толстой,—уже тогда (т.-е. до женитьбы) пришелъ къ тому отчаянію, къ которому я пришелъ черезъ пятнадцать лѣтъ, если бы у меня не было еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе,—это была семейная жизнь».

Указаніе чрезвычайно цѣнное. Во-первыхъ, мы узнаемъ изъ него, что еще въ молодости Толстой уже зналъ припадки того отчаянія, которое впослѣдствіи, по его признанію, чуть не довело его до самоубійства. А, во-вторыхъ, что для насъ еще важнѣе, мы можемъ установить фактъ, что противъ самаго безумнаго отчаянія—есть средство, *и не то,* о которомъ говоритъ Толстой въ «Исповѣди» (т.-е. не религія). Правда, средство временное, не на всю жизнь. Но вѣдь пятнадцать лѣтъ—срокъ не малый.

II.

Толстой говоритъ, что средство это—семейная жизнь, т.-е. что семейная жизнь спасла его. Какъ будто похоже на правду—но если внимательно ознакомиться съ тѣми произведеніями, которыя Толстой написалъ

въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ послѣ своей женитьбы, никакъ нельзя согласиться, что его спасла возможность извѣдать еще одну неизвѣданную сторону жизни. Весьма вѣроятно, что Толстой, если бы не женился, заболѣлъ бы, сошелъ бы въ концѣ-концовъ съ ума, даже, можетъ быть, покончилъ бы съ собой. Но это не значитъ, что семья дала содержаніе пятнадцати годамъ его жизни. Въ немъ были живы и иные страсти, увлеченія и интересы, въ немъ были скрыты не только тѣ силы, которыя нужны человѣку для того, чтобы быть счастливымъ мужемъ и отцомъ. Первыя пятнадцать лѣтъ его семейной жизни были расцвѣтомъ его творческихъ силъ: онъ написалъ «Войну и Миръ» и «Анну Каренину». И, если теперь онъ сводитъ всю свою жизнь этого періода лишь къ семейному счастью, то лишь потому, что теперь она уже не нужна ему и потому забыта. Толстой менѣе чѣмъ кто-нибудь другой умѣетъ и, главное, хочетъ цѣнить то, что ему сейчасъ не нужно или безполезно. Съ неблагодарностью, которую онъ такъ тонко въ свое время подмѣтилъ въ Наполеонѣ, онъ боготворитъ свои идеи, пока онѣ по первому зову стройными рядами бѣгутъ служить ему, но онъ же бросаетъ ихъ, когда онѣ обезсиливаютъ и не могутъ больше работать на него, какъ бросилъ Наполеонъ въ Россіи своихъ замерзавшихъ солдатъ. Такая неблагодарность свойственна, должна быть свойственна всѣмъ великимъ людямъ. Они умѣютъ безъ сожалѣнія разбрасывать богатства, ибо въ нихъ живетъ сознательная или безсознательная вѣра, что богатства *будутъ*, были бы только они, великіе люди. Топну ногой—и изъ-подъ земли явятся легіоны. Нѣтъ ни одного великаго человѣка, который бы въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, вслухъ или мысленно, не произносилъ этой фразы. Толстой въ этомъ отношеніи смѣлѣе, безпощаднѣй и безпечнѣе, чѣмъ Наполеонъ или Помпей. Оттого его слова и ученіе столь многихъ отпугиваютъ. Онъ все разрушаетъ, все уничтожаетъ—чѣмъ послѣ этого жить? Но Толстому не страшно. Или, вѣрнѣе, страшно, очень страшно. Все, что онъ разсказываетъ о своихъ мучительныхъ кризисахъ, нисколько не преувеличено: его искренность внѣ всякихъ подозрѣній. Но эти муки такъ же естественны и нужны Толстому, какъ женщинѣ муки родовъ. Сильнѣйшая, невыносимѣйшая боль есть признакъ появленія на свѣтъ новой жизни. И, какъ извѣстно, женщина должна добровольно причинить ее себѣ.

У Толстого невыносимыя муки отчаянія всегда предшествуютъ всякимъ переворотамъ въ его душѣ. Такъ было послѣ перваго кризиса, такъ было послѣ второго. Вспомнимъ, какъ описана въ «Войнѣ и Мирѣ» исторія Пьера Безухаго. Пьеръ постепенно и незамѣтно погружался въ отвратительнѣйшую тину пошлости. Нелѣпые и дикіе кутежи съ Курагинымъ и Долоховымъ, потомъ еще болѣе нелѣпая женитьба, постылая жизнь съ совершенно чуждой ему во всѣхъ отношеніяхъ женой, бездѣлье и клубное время-препровожденіе, дуэль, массонство и т. д. Пьеръ, еще молодой человѣкъ, до такой степени запутался, что, казалось, для него нѣтъ и не можетъ быть спасенія. И вотъ спасеніе пришло, пришло именно оттуда,

откуда его можно было менѣе всего ожидать и въ такой моментъ, когда, казалось, судьба занесла надъ Пьеромъ свою руку, не затѣмъ, чтобы спасти его, а чтобы добить. Моментъ просвѣтлѣнія, очищенія Пьеръ испыталъ въ вечеръ того дня, когда французы на его глазахъ разстрѣляли пять человѣкъ русскихъ плѣнныхъ (заподозрѣнныхъ въ поджогахъ), когда самъ онъ былъ на очереди къ разстрѣлу и избѣжалъ казни лишь благодаря какой-то таинственной, почти чудесной случайности. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ Толстой душевное состояніе Пьера: «съ той минуты, когда Пьеръ увидалъ это страшное убійство (казнь русскихъ), совершонное людьми, не хотѣвшими это дѣлать, въ душѣ его была какъ будто бы вдругъ выдернута та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую и свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ и прежде, но никогда съ такой силой, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ и остались одни безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь—не въ его власти». Я, конечно, могъ сдѣлать небольшую сравнительно выдержку изъ тѣхъ мѣстъ «Войны и Мира», которыя относятся къ жизни Пьера во время нашествія Наполеона на Москву. Совѣтую читателю, который хочетъ ближе подойти къ переживаніямъ Толстого, внимательно перечесть всѣ эти мѣста. Они многому научаютъ и многое объясняютъ, разумѣется, въ томъ условномъ и ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ слова «объяснять» и «научать» примѣнимы, когда рѣчь идетъ о послѣднихъ вопросахъ человѣческой жизни.

Какъ извѣстно, Толстой впослѣдствіи отрекся отъ «Войны и Мира» и отъ «Анны Карениной». Въ своей «Исповѣди» онъ открыто заявилъ, что его романы были сплошной ложью. «Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками, въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ (послѣ женитьбы) я всетаки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за мой ничтожный трудъ, и предавался ему, какъ средству улучшенія своего матеріальнаго положенія и заглушенія въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей».

Передъ нами два автобіографическихъ утвержденія Толстого, раздѣленныхъ приблизительно промежуткомъ времени лѣтъ 12—15. Оба звучатъ необыкновенной искренностью и правдивостью, хотя по содержанію они взаимно другъ друга исключаютъ. Не можетъ быть, чтобы Толстой въ «Исповѣди» разсказывалъ неправду, но не можетъ быть тоже, чтобы человѣкъ, который думалъ только о славѣ и деньгахъ, такъ разсказалъ бы

устами Пьера о своей душевной борьбѣ. Противорѣчіе покажется еще болѣе загадочнымъ и страннымъ, если мы прослѣдимъ дальнѣйшую исторію, вѣрнѣе, дальнѣйшія метаморфозы души Пьера. Получится, будто авторъ «Исповѣди» злостно—и какъ будто безъ всякой нужды—оклеветалъ автора «Войны и Мира», въ концѣ-концовъ самого себя.

Мы помнимъ, что разстрѣлъ русскихъ плѣнныхъ произвелъ на Пьера подавляющее, уничтожающее впечатлѣніе. Нѣтъ больше никакой надежды, все погибло, все пропало: ни въ себѣ, ни внѣ себя—нигдѣ не найти спасенія. И вотъ въ ночь того же дня, когда Пьеръ съ такой безпощадной очевидностью убѣдился, что весь міръ, вся жизнь—безумная и отвратительная фантасмагорія, въ ту ночь, когда онъ окончательно и навсегда потерялъ всякую вѣру и всякую надежду, съ нимъ произошло нѣчто такое, для обозначенія чего я нахожу лишь одно слово: чудо. Опять будемъ говорить словами Толстого. Послѣ разговора съ Платономъ Каратаевымъ, котораго Пьеръ впервые встрѣтилъ вечеромъ послѣ разстрѣла русскихъ плѣнныхъ, онъ, какъ и остальные его товарищи по балагану, улегся спать. «Наружи слышались гдѣ-то вдалекѣ плачъ и крикъ, и сквозь щели балагана виднѣлся огонь; но въ балаганѣ было тихо и тепло. Пьеръ долго не спалъ и съ открытыми глазами лежалъ въ темнотѣ на своемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ мѣрному храпѣнію Платона, лежавшаго подлѣ него, и чувствовалъ, что прежде разрушенный міръ теперь съ новой красотой, на какихъ-то новыхъ и незыблемыхъ основахъ, двигался въ его душѣ».

Если мы сопоставимъ и внимательно вглядимся въ то, что произошло съ Пьеромъ въ теченіе одного дня, даже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ одного и того же дня, мы будемъ поражены: отъ крайняго отчаянія и совершеннаго, *окончательнаго* невѣрія въ Бога, въ міръ и людей, онъ перешелъ къ твердой, прочной, *незыблемой* вѣрѣ въ міръ и Творца. Вѣдь это—чудо, самое настоящее, ничѣмъ не объяснимое чудо, вродѣ воскресенія Лазаря! Какъ могло это случиться? Не выдумалъ ли все это Толстой для того, чтобы, какъ онъ разсказываетъ въ «Исповѣди», получить много денегъ и рукоплесканій? Но если это такъ, если Толстой все это выдумалъ, то кто поручится тогда намъ, что его писанія послѣ «Исповѣди» и сама «Исповѣдь» не есть выдумка и обманъ ради какой-нибудь пока еще не открывшейся намъ цѣли? Можетъ быть, послѣ смерти Толстого кто-нибудь доставитъ намъ матеріалъ, изъ котораго мы убѣдимся, что не только въ первыя пятнадцать лѣтъ послѣ своей женитьбы, но и послѣднія тридцать лѣтъ жизни онъ писалъ не то, что въ самомъ дѣлѣ думалъ и въ чемъ былъ убѣжденъ, а то, что, по его соображеніямъ, могло ему дать если не деньги и славу, къ которымъ онъ сейчасъ и въ самомъ дѣлѣ равнодушенъ, то какое-либо иное «благо»—скажемъ, хотя бы власть надъ людьми, которая въ извѣстномъ возрастѣ болѣе мила человѣку, чѣмъ деньги, женщины и даже слава?!

Не будемъ, однако, торопиться съ разъясненіемъ замѣченныхъ нами противорѣчій. Да и вообще, мнѣ кажется, толстовскія противорѣчія, какъ

и противорѣчія всякой большой и мятежной души, не подлежатъ окончательному разъясненію. Если вы хотите послѣдовательности, внутренняго лада—изучайте жизнь средняго протестантскаго пастора, добросовѣстнаго профессора или шиллеровскаго «честнаго рыбака». У Толстого же и людей на него похожихъ нужно искать скорѣй путаницы и безпорядка. Противорѣчія въ ихъ жизни, мышленіи и дѣятельности необходимо выдвигать и изучать, но отнюдь не затѣмъ, чтобы претворять ихъ въ одномъ общемъ синтезѣ. Вся жизнь и все творчество Толстого носятъ явные слѣды непокорности и произвола какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Сейчасъ приведемъ нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ примѣровъ, которые объяснятъ и подтвердятъ наши слова.

Въ первой части «Войны и Мира» Толстому, между прочимъ, приходится описывать, какъ полкъ встрѣчалъ главнокомандующаго Кутузова, во второй, какъ сѣкли провинившагося солдата, въ пятой, какъ пѣлъ знаменитый оперный пѣвецъ. Если бы ему теперь пришлось это сдѣлать, вѣроятно, вышло бы у него совсѣмъ не то. Тогда, однако, Толстой еще любилъ многое такое, къ чему впослѣдствіи сталъ равнодушенъ, но любилъ, менѣе всего сообразуясь съ тѣмъ, что вообще цѣнятъ и любятъ люди. И, что онъ *любилъ*—было хорошо, цѣнно, значительно, чего не любилъ—пошло и смѣшно. И свои сужденія онъ умѣлъ высказывать съ такой неподражаемой увѣренностью и искренностью, что они казались абсолютно истинными и невольно заражали.

— «Ѣдетъ!—закричалъ махальный.

«Полковой командиръ, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, дрожащими руками взялся за сѣдло, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу, и съ счастливымъ, рѣшительнымъ лицомъ, набокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ оправляющаяся птица, и замеръ.

«— Смир-р-р-рно!—закричалъ полковой командиръ потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ въ отношеніи къ подъѣзжающему начальству».

Второй примѣръ—описаніе тѣлеснаго наказанія.

«... Князь Андрей наѣхалъ на фронтъ взвода гренадеръ, передъ которымъ лежалъ обнаженный человѣкъ. Двое солдатъ держали его, а двое взмахивали гибкіе прутья и мѣрно ударяли по обнаженной спинѣ. Наказываемый неестественно кричалъ. Толстый майоръ ходилъ передъ фронтомъ и, не переставая и не обращая вниманія на крикъ, говорилъ:

«— Солдату позорно красть, солдатъ долженъ быть честенъ, благороденъ и храбръ; а коли у своего брата укралъ, такъ у него чести нѣтъ; это мерзавецъ. Еще, еще!

«И все слышались гибкіе удары и отчаянный, но притворный крикъ».

Теперь описаніе оперы. Привожу не цѣликомъ, что было бы слишкомъ длинно и для нашей цѣли излишне.

«Мужчина въ обтянутыхъ панталонахъ пропѣлъ одинъ, потомъ про-

пѣла она. Потомъ оба замолчали, заиграла музыка, а мужчина сталъ перебирать пальцами руку дѣвицы въ бѣломъ платьѣ, очевидно, выжидая опять такта, чтобы опять начать свою партію вмѣстѣ съ нею. Они пропѣли вдвоемъ, и всѣ въ театрѣ стали хлопать и кричать, а мужчина и женщина на сценѣ, которые изображали влюбленныхъ, стали, улыбаясь и разводя руками, кланяться».

Военная команда близка сердцу Толстого. Голосъ командира полка потрясаетъ душу. Онъ такъ выразителенъ, содержателенъ, что въ немъ можно различить три оттѣнка: онъ и радостенъ, онъ и строгъ, онъ и привѣтливъ. Въ голосѣ же наказываемаго розгами Толстой почти ничего не различаетъ. Его больше занимаютъ взмахи гибкихъ прутьевъ. А крикъ солдата — неестественный, притворный, ненужный и назойливый. Опера же—лишь дорого стоящій шумъ, въ знаменитомъ пѣвцѣ поражаютъ только панталоны въ обтяжку...

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ такомъ родѣ Толстой говорилъ не объ оперѣ, даже не о музыкѣ вообще, а обо всемъ искусствѣ. И въ приведенныхъ трехъ описаніяхъ сказался весь Толстой съ его вѣчной непокорностью. Онъ всегда чего-то ищетъ, чего-то добивается. И то, что помогаетъ ему въ его борьбѣ и исканіяхъ, въ его великомъ жизненномъ дѣлѣ, то онъ, не справляясь ни у кого о разрѣшеніи, объявляетъ хорошимъ, все же, что ему мѣшаетъ, онъ столь же произвольно (или, если вамъ больше нравится, автономно) причисляетъ къ дурному, ложному, притворному, не заслуживающему вниманія и интереса. Онъ самъ по поводу переживаній Пьера даетъ намъ драгоцѣнное указаніе, чѣмъ руководится человѣкъ, конечно, такой человѣкъ, который не повторяетъ вслѣдъ за другими принятыхъ мнѣній, а умѣетъ и старается въ словахъ выразить свою дѣйствительную сущность: «... Съ той минуты, какъ Пьеръ созналъ *появленіе таинственной силы*, ничто не казалось ему странно или страшно: ни трупъ, вымазанный для забавы сажей, ни эти женщины, спѣшившія куда-то, ни пожарище Москвы. Все, что видѣлъ теперь Пьеръ, не производило на него почти никакого впечатлѣнія—какъ будто душа его, готовясь къ трудной борьбѣ, отказывалась принимать впечатлѣнія, которыя бы могли ослабить ее». Вотъ основной двигатель Толстого и въ большихъ, и въ малыхъ дѣлахъ. Онъ соприкоснулся съ какой-то таинственной силой, которая даетъ ему державное право законодательствовать—созидать и разрушать міры. Онъ принимаетъ то, что ему нужно, онъ отвергаетъ все, что ему мѣшаетъ, хотя бы это было величайшей цѣнностью въ глазахъ всего человѣчества.

Такъ судитъ онъ о военной командѣ, о тѣлесномъ наказаніи, оперѣ, искусствѣ, наукѣ, Наполеонѣ, исторіи и т. д.—обо всемъ, о чемъ ему приходится судить. И этому самодержавію мысли выучило его отчаяніе: отчаяніе многому выучиваетъ. Даже такой человѣкъ, какъ Гете, черпалъ свои силы въ этомъ отверженномъ всѣми и навѣки проклятомъ людьми источникѣ...

III.

Лѣтъ пять тому назадъ вышла книга знаменитаго американскаго психолога Джемса подъ названіемъ «Многообразіе религіознаго опыта». Книга во многихъ отношеніяхъ необычайно интересная и даже, пожалуй, прямо замѣчательная. Джемсъ по своимъ умственнымъ привычкамъ и по своему воспитанію прежде всего—если угодно даже послѣ всего—ученый, т.-е. человѣкъ, привыкшій къ самой строгой осмотрительности. Прежде чѣмъ отрѣзать, онъ, по русской поговоркѣ, семь разъ отмѣритъ. Это въ немъ драгоцѣннѣйшая черта, которая становится положительно неоцѣнимой въ виду его готовности отказаться если не отъ всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, отъ многихъ коренныхъ предразсудковъ, свойственныхъ той средѣ, въ которой онъ воспитывался, жилъ и работалъ съ молодыхъ лѣтъ. Уже въ самомъ началѣ своей книги онъ ставитъ столь непривычный, почти неестественный для ученаго вопросъ: кто даетъ намъ право утверждать, что опытъ и переживанія нормальныхъ людей должны составлять единственный матеріалъ и источникъ истинныхъ сужденій?

Ненормальный человѣкъ живетъ, чувствуетъ и думаетъ; съ какой же стати станемъ мы отбрасывать, какъ непригодное для познанія, все содержаніе его часто богатой, своеобразной и содержательной жизни? А что, если какъ разъ его чувства и мысли могутъ привести насъ къ такимъ знаніямъ, даже откровеніямъ, о которыхъ нормальные люди даже и мечтать не смѣютъ? Подчеркиваю: вопросъ этотъ поставленъ не мечтателемъ-поэтомъ, даже не философомъ-художникомъ, вродѣ Шопенгауэра или Ницше. Джемсъ одинъ изъ виднѣйшихъ представителей современной «положительной» мысли. Его учебникъ психологіи переведенъ на многіе европейскіе языки и служитъ настольной книгой для профессоровъ.

Напомню, что уже почти полвѣка тому назадъ этотъ вопросъ въ такой же, пожалуй, даже въ болѣе рѣзкой и удачной формѣ, былъ поставленъ у насъ въ Россіи. Только не ученымъ, пользующимся большой славой и авторитетомъ, а малоизвѣстнымъ тогда писателемъ, Достоевскимъ, въ его романѣ «Преступленіе и Наказаніе». Свидригайловъ, разговаривая съ Раскольниковымъ о галлюцинаціяхъ, признаетъ, что галлюцинаціи бываютъ только у больныхъ, ненормальныхъ людей, но дѣлаетъ допущеніе, что это обстоятельство ничего собственно противъ реальности галлюцинацій не говоритъ. Можетъ быть, условіемъ постиженія извѣстнаго рода реальностей является болѣзнь: здоровому недоступно то, что доступно больному *). Тогда же одинъ извѣстный, вліятельный и научно-образованный

*) Приведу буквально слова Свидригайлова: „Я согласенъ, что привидѣнія являются только больнымъ; но вѣдь это только доказываетъ, что привидѣнія могутъ являться только больнымъ, а не то, что ихъ нѣтъ самихъ по себѣ... Привидѣнія—это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ начало. Здоровому человѣку ихъ, разумѣется, незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ и, стало быть, долженъ жить одной здѣшней жизнью, для пол-

критикъ, приведя эти соображенія Свидригайлова и, сопоставляя съ ними рядъ другихъ мыслей разныхъ героевъ Достоевскаго, по своему содержанію и характеру очень напоминавшихъ изложенную мысль Свидригайлова, замѣтилъ: «счастливый народъ беллетристы! Когда нашему брату, ученому человѣку, приходитъ въ голову дикая мысль, мы не можемъ сдѣлать изъ нея никакого употребленія. Нельзя даже признаться, что она побывала у тебя въ головѣ! Беллетристъ же—дѣло иное: ему всякая дичь годится. Вложитъ ее «въ уста» дѣйствующаго лица и правъ: никто ничего возразить не можетъ».

Такъ вотъ дикая мысль Достоевскаго сейчасъ положена въ основаніе обширнаго изслѣдованія знаменитаго современнаго ученаго. Ненормальность, какъ и нормальность человѣка сами по себѣ ничего не говорятъ ни за, ни противъ его внутренняго опыта. Значительность и незначительность переживаній опредѣляется по совсѣмъ инымъ признакамъ. Даже болѣе того, особенно важныя, интересныя и глубокія переживанія, какъ показали наблюденія, свойственны именно людямъ ненормальнымъ, больнымъ. Сюда, между прочимъ, относится и вся почти область религіознаго опыта. Съ послѣднимъ утвержденіемъ Джемса представители положительной науки, само собою разумѣется, охотно согласятся: для нихъ религія цѣликомъ относится къ области патологіи и является предметомъ изученія лишь постольку, поскольку вообще подлежатъ изученію всѣ болѣзненныя проявленія нашего духа и тѣла: ихъ нужно знать, чтобъ найти средства бороться съ ними. Джемсъ же, какъ и Достоевскій (только совершенно открыто и смѣло—время, видно, пришло другое), ищетъ у больныхъ людей новыхъ истинъ и озареній, даже новыхъ методовъ добыванія истины. Себя самого онъ признаетъ, повидимому, недостаточно больнымъ человѣкомъ и почти что считаетъ это своимъ недостаткомъ, который ограничиваетъ его познавательныя способности, такъ что приходится прямо-таки поступать въ науку къ ненормальнымъ людямъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ силу связанной съ недостаточной болѣзненностью ограниченности личнаго опыта, самъ ничего узнать не можешь, полагаться на опытъ болѣе счастливыхъ въ этомъ смыслѣ больныхъ людей.

Больше всего Джемса интересуетъ, какъ оно и вполнѣ понятно, то, что религіозные люди называютъ откровеніемъ. По своему личному опыту Джемсъ совсѣмъ не можетъ судить объ откровеніи, ибо самъ ничего такого не испыталъ. Но изъ разсказовъ и записокъ вѣрующихъ, въ особен-

---

ноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣлъ, чуть нарушился нормальный, земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность иного міра, и чѣмъ больше боленъ, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше". Свидригайловъ еще дѣлаетъ своеобразный выводъ: „такъ что,—кончаетъ онъ свое разсужденіе,—когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ". Джемсъ такого вывода не дѣлаетъ и вообще формулируетъ свои мысли менѣе рельефно, чѣмъ Свидригайловъ.

ности обращенныхъ, т.-е. перешедшихъ отъ невѣрія къ вѣрѣ людей, можно узнать много такого, чего самъ не видѣлъ и не слышалъ. И Джемсъ добросовѣстно изучалъ, насколько возможно, показанія религіозныхъ людей, сличалъ ихъ между собой и пришелъ къ заключенію, что *откровеніе*—это фактъ, съ которымъ *нельзя не считаться*, и что *люди*, испытавшіе откровеніе, знаютъ многое такое, чего люди обыкновенные не знаютъ.

Между прочимъ, приводя показанія многихъ другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ религіозныхъ мыслителей и никому неизвѣстныхъ обращенныхъ частныхъ лицъ, Джемсъ не разъ ссылается и на нашего Толстого. Но, повидимому, изъ всѣхъ работъ этого послѣдняго Джемсъ знаетъ одну лишь «Исповѣдь». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что либо художественное творчество Толстого ему почти незнакомо, либо онъ совсѣмъ не умѣлъ использовать его для цѣлей своего изслѣдованія. Это, можетъ быть, объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что Джемсъ подбиралъ все случаи ярко выраженной религіозности и, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, иной разъ придавалъ слишкомъ много значенія ярлыку, внѣшнему, словесному признанію, если угодно оффиціальному положенію человѣка, его паспорту. Если данное лицо афишируетъ себя вѣрующимъ и, еще лучше, всѣми признается за таковаго, Джемсъ допрашиваетъ его и внимательно слушаетъ. Называетъ оно себя безбожникомъ или даже просто никогда громко не говоритъ о своей вѣрѣ—онъ спокойно и пренебрежительно проходитъ мимо него, въ увѣренности, что отъ него онъ ничего не узнаетъ. Такъ минуетъ онъ Ницше, Гейне, Ибсена, Шопенгауэра, Ренана и другихъ, которые могли бы его научить очень многому. Я думаю, что отчасти причина въ томъ, что, какъ признается самъ Джемсъ, ему лично совершенно чуждъ «мистическій» опытъ, и онъ является лишь добросовѣстнымъ, но объективнымъ, постороннимъ наблюдателемъ. При такихъ условіяхъ приходится придавать слишкомъ большое значеніе наружнымъ, видимымъ и осязаемымъ признакомъ и нельзя не просмотрѣть многое существенное.

Насъ, однако, здѣсь занимаютъ не недостатки и неудачи джемсовыхъ начинаній, а его удачи. Важно, чрезвычайно важно уже и то, что осторожно, съ опаской высказанная когда-то Достоевскимъ мысль теперь не только не боится осужденія ученой критики, но имѣетъ за собой крупный научный авторитетъ. Допускается *источникъ познанія*, который прежде встрѣчался въ лучшихъ случаяхъ добродушной насмѣшкой. Можно уже говорить, самъ Джемсъ много и серьезно говоритъ объ откровеніи.

Особенно насъ интересуетъ то, что непосредственно относится къ переживаніямъ Толстого. Мы оставили Пьера (т.-е. Толстого) въ тотъ моментъ, когда съ нимъ произошло великое чудо внезапнаго просвѣтлѣнія. Произошло оно, какъ мы помнимъ, тогда, когда этого менѣе всего можно было ожидать, послѣ того, какъ подъ вліяніемъ пережитыхъ имъ нечеловѣческихъ ужасовъ онъ потерялъ всякую вѣру и всякую надежду, когда

онъ уже даже не боролся больше, не могъ думать о борьбѣ, когда у него опустились руки, и онъ пассивно, безсмысленно, съ тупымъ отчаяніемъ, шелъ навстрѣчу своей гибели,—словомъ, въ тотъ моментъ, когда для него уже было все и навсегда кончено.

И вотъ оказывается, что случай съ Пьеромъ чуть ли не является въ своемъ родѣ типическимъ. Мало того, выясняется, что такого рода переживанія, какъ прекрасно показываетъ Джемсъ, были источникомъ того религіознаго ученія, которое въ шестнадцатомъ столѣтіи потрясло всю Европу. У насъ, съ легкой руки Достоевскаго, принято пренебрежительно относиться къ Лютеру и его ученію. У насъ думаютъ, что протестантство—это протестъ здраваго смысла и средней добродѣтели противъ всего, что было загадочнаго, таинственнаго, обѣщающаго и прекраснаго въ католичествѣ. Если угодно, нѣкоторый смыслъ и правда есть въ такомъ предположеніи. Современное намъ протестантство въ значительной степени является обожествленіемъ урѣзанной, буржуазной морали. Но относить это на счетъ Лютера было бы въ такой же мѣрѣ несправедливо и исторически невѣрно, какъ обвинять христіанское ученіе въ ужасахъ инквизиціи.

Христіане, т.-е. называвшіе себя послѣдователями Христа, дѣйствительно жгли на кострахъ и пытали людей, но Христосъ этому не училъ. И Лютеръ былъ слишкомъ глубокой, мощной и одаренной натурой для того, чтобы измышлять религію для осѣдлаго и устроеннаго буржуа. Его основная догма о спасеніи вѣрой (та какъ разъ, которую особенно высмѣиваетъ и раціоналистически оспариваетъ Толстой) менѣе всего предназначалась къ тому, чтобы облегчить благополучный переходъ въ будущую жизнь благополучнымъ обитателямъ здѣшняго міра—какъ думаютъ тѣ, которые знаютъ ученіе Лютера, какъ рядъ догмъ, оторванныхъ отъ человѣка, ихъ создавшаго.

И, въ самомъ дѣлѣ, какимъ возмутительнымъ и плоскимъ на первый взглядъ кажется ученіе, утверждающее, что христіанинъ можетъ спастись вѣрою и только вѣрою, а отнюдь не дѣлами, не своими личными заслугами! Въ сущности эта догма какъ бы выворачиваетъ наизнанку все Евангеліе, въ которомъ столько разъ и такъ настойчиво утверждается, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Но послушайте самого Лютера: «Богъ,—говоритъ онъ,—есть Богъ смиренныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ, отчаявшихся, уничтоженныхъ; сущность его въ томъ, чтобы вдохновлять смиренныхъ, питать голодныхъ, возвращать зрѣніе слѣпымъ, утѣшать опечаленныхъ, оправдывать грѣшниковъ, воскрешать мертвыхъ, спасать погибшихъ и утратившихъ надежды... Единственное препятствіе, которое Богъ встрѣчаетъ на своемъ пути и которое не даетъ Ему совершить Его природное, Его главное дѣло—это дьявольское мнѣніе человѣка о самомъ себѣ: человѣкъ считаетъ себя правымъ и справедливымъ и не хочетъ быть подлымъ, презрѣннымъ и заслуживающимъ осужденія грѣшникомъ. Потому-то приходится Богу взять въ руки свой молотъ, т.-е. законъ, чтобы изломать, разбить, обратить въ прахъ, уничтожить гордость этого дикаго звѣря,

именуемаго человѣкомъ... И такъ велика тупость человѣческаго сердца, что въ этой борьбѣ своей совѣсти, когда божественный законъ исполнилъ свое дѣло, онъ все еще не хочетъ принять догму благодати и понять смыслъ того, что съ нимъ происходитъ. Онъ все хочетъ спастись инымъ путемъ. «Въ будущемъ,—говоритъ онъ,—я исправлюсь, я стану дѣлать то-то и то-то». Но, если ты не поступишь совершенно обратно, если ты не откажешься отъ Моисея съ его законами, если въ своихъ мукахъ и ужасахъ ты не почуешь Христа, страдавшаго, распятаго, умершаго за твои грѣхи—тебѣ никогда не спастись. Что можешь представить ты? Свою власяницу, тонзуру, свое цѣломудріе, повиновеніе, бѣдность? Что все это? Что даетъ тебѣ законъ Моисея и дѣла закона? Если бы я могъ, благодаря моимъ дѣламъ и заслугамъ, придти къ Христу и достойно любить его,—для чего же понадобилось, чтобы Онъ былъ преданъ ради меня? Но нѣтъ ни одного сокровища ни на небѣ, ни на землѣ, которое было бы достаточно цѣнно, чтобы искупить мои грѣхи—только былъ одинъ Сынъ Божій, поэтому и понадобилось предать Его. Чтобы спасти меня, Онъ отдалъ не овцу, не вола, не золото, не серебро—онъ отдалъ самого себя, всего себя—за меня, самаго отверженнаго, самаго презрѣннаго изъ всѣхъ грѣшниковъ. Сынъ Божій умеръ—*это вновь даетъ мнѣ мужество. Я для себя* принимаю эту смерть: въ этомъ истинная сила вѣры. Ибо Онъ умеръ не для того, чтобы оправдать праведниковъ, но чтобы оправдать грѣшниковъ, чтобы они стали друзьями Бога, наслѣдниками трона небеснаго».

«Сынъ Божій умеръ—это даетъ мнѣ мужество, въ этомъ истинная вѣра»—если можете постигнуть, преклонитесь предъ глубиной этого величайшаго и таинственнѣйшаго парадокса. Онъ стоитъ на пути всякаго, кто не хочетъ или не можетъ удовлетвориться обыденными представленіями о сущности жизни. Его нельзя обойти. И Толстой, какъ мы видѣли, испыталъ это. Пьеръ увѣровалъ только послѣ того, какъ почувствовалъ, что Богъ умеръ, что онъ самъ навсегда и окончательно погибъ, что нѣтъ для него ни на землѣ, ни на небѣ спасенія. Почему такъ—я не знаю и не умѣю объяснить; больше того, я понимаю, что такое утвержденіе находится въ противорѣчіи съ логикой, съ здравымъ смысломъ и со всѣмъ повседневнымъ опытомъ человѣка. Но есть еще какой-то опытъ, который заставляетъ остановиться предъ собой даже научно вышколеннаго, осторожнаго и строго безпристрастнаго человѣка. «Чѣмъ болѣе вы чувствуете себя погибшимъ,—такъ резюмируетъ Джемсъ приведенныя выше слова Лютера,—тѣмъ болѣе вы именно тотъ грѣшникъ, который уже спасенъ жертвой Христа. Эту доктрину Лютеръ вынесъ изъ *собственнаго опыта*». *Изъ собственнаго опыта*—вы слышите, вы понимаете, что это значитъ?! Изъ такого же реальнаго опыта, какъ и тотъ, изъ котораго наука до сихъ поръ выводила свою теорію естественнаго развитія или свой законъ причинности. Но какъ же согласить эти два опыта? И согласимы ли они? Вѣроятно, нѣтъ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ никто не умѣлъ согласовать ихъ. То, что кажется истиной человѣку одного опыта, предста-

вляется явной нелѣпостью для человѣка другого опыта. Отсюда знаменитое credo quia absurdum, на которое такъ часто и такъ несправедливо нападаетъ Толстой. Но если есть два столь различныхъ, примѣняющихъ другъ къ другу эпитетъ absurdum опыта; если одинъ человѣкъ съ ужасомъ, другой съ надеждой говоритъ: Сынъ Божій умеръ; если одинъ и тотъ же человѣкъ въ одинъ и тотъ же день, какъ это было съ Пьеромъ, въ одинъ и тотъ же часъ, какъ это было съ другими, можетъ разрушить и вновь создать цѣлый міръ,—то развѣ стоитъ вѣрить въ нашу логику, въ наши доказательства, въ наши законы и жизненныя правила?

IV.

Пьеръ - Толстой разрушилъ и вновь создалъ міръ. И сталъ жить въ новомъ, такъ неожиданно и чудесно созданномъ мірѣ. Разумѣется, у Толстого была не только семья, какъ можно думать по приведеннымъ выше словамъ «Исповѣди». У него была цѣль жизни, т.-е. онъ чувствовалъ свою жизнь осмысленной. Все кругомъ него казалось ему прекраснымъ вплоть до душистаго бульона и мягкой, чистой постели. Одновременно съ разрушеннымъ старымъ міромъ уничтожились и всѣ эмпирическія затрудненія, которыя прежде отравляли жизнь Пьеру. Даже жена его Эленъ, которая одна стоила тысячи всякихъ другихъ трудностей и, пожалуй, чего добраго могла бы совершенно уничтожить гармонію новыхъ настроеній Пьера, даже и жена его чудеснымъ образомъ была сметена съ его пути, какъ и державшіе его въ плѣну и терзавшіе его французы. «Ахъ какъ хорошо! Какъ славно!»—говорилъ онъ себѣ. По старой привычкѣ онъ дѣлалъ себѣ вопросы: «Ну, а потомъ что? что я буду дѣлать?» И отвѣчалъ себѣ: «Ничего. Буду жить. Ахъ, какъ славно!» То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни—теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него только въ настоящую минуту жизни, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье. Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру,—не вѣру въ какія-нибудь правила или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога. И вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ—вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной... Есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка». Написано все это Толстымъ для того, чтобы добиться денегъ и славы? Вѣдь все это, какъ мы увидимъ, такъ похоже на то, что впослѣдствіи, уже послѣ «Исповѣди»,

послѣ своего второго кризиса писалъ Толстой о людяхъ, увѣровавшихъ въ Бога. И вообще всѣ тѣ черты, которыя подмѣчаются въ обращенномъ Пьерѣ, должны быть свойственны, и по новѣйшему ученію Толстого, истинно религіознымъ людямъ. Пьеръ былъ всегда добръ, ласковъ и веселъ, всегда располагалъ къ себѣ окружающихъ и—въ противоположность тому, что было раньше—всегда зналъ, что ему можно и нужно и чего нельзя дѣлать. А вѣдь Толстой и до самаго послѣдняго времени неизмѣнно держится того мнѣнія, что религія главнымъ, чуть ли не исключительнымъ образомъ нужна для того, чтобы ясно, просто и легко разрѣшать страшный и для невѣрующихъ вѣчно мучительно неразрѣшимый вопросъ: что дѣлать? Пьеръ на этотъ вопросъ умѣлъ отвѣтить и отвѣтилъ. Значитъ, была у него вѣра?

У Левина, душевный кризисъ котораго изображенъ не съ такой уже любовью и стараніемъ, какъ кризисъ Пьера (Толстой самъ въ то время уже вплотную подходилъ къ новымъ искушеніямъ), тоже все ясно, просто и понятно. И тѣмъ не менѣе конецъ «Анны Карениной»—совсѣмъ не то, что конецъ «Войны и Мира». Недаромъ Толстой писалъ Фету: «Берусь за скучную и пошлую «Анну Каренину» съ единственнымъ желаніемъ поскорѣй опростать себѣ мѣсто для другихъ работъ». Это признаніе неоспоримо искренне: Толстой тогда уже слышалъ гдѣ-то на окраинѣ своей души глухіе, чуть слышные пока раскаты грома—предвѣстники великой грозы. Но вся «Война и Миръ» ясно и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ тѣ годы (1864—1869) Толстой въ такой же степени считалъ себя обладателемъ вѣры, въ какой считаетъ себя и теперь. Если Богъ есть жизнь, если присутствіе Бога въ человѣкѣ узнается по тому, что въ человѣкѣ пробуждается сила жизни, то безусловно Богъ былъ въ Толстомъ эпохи «Войны и Мира». Во все, что онъ предпринималъ, онъ вкладывалъ столько свѣжей энергіи и молодой, радостной страсти, точно онъ былъ первымъ человѣкомъ, вчера только явившимся по волѣ Творца въ міръ, совершенно незнающимъ горькаго опыта и безконечныхъ разочарованій нашего многовѣковаго историческаго существованія. Онъ былъ «эгоистомъ», но эгоистомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—онъ умѣлъ многое любить, и эта любовь связывала его не только съ родными и близкими, но и со всей Россіей. Онъ еще ближе подошелъ къ народу и умѣлъ взять его не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ. Каждая строчка «Войны и Мира» говоритъ объ этомъ. Вспомнимъ хотя бы эти столь прославившіяся слова: «Благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотой и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣнится презрѣніемъ и жалостью». Какая глубокая страсть, какой великолѣпный и искренній паѳосъ! Мы могли бы безъ конца приводить отрывки изъ «Войны и Мира» и даже изъ «Анны Карениной», которые какъ нельзя болѣе доказываютъ, что Толстой совершенно радикально

излѣчился отъ своего прежняго невѣрія и сомнѣній. По крайней мѣрѣ, если позволительно думать, что о болѣзни и здоровьи мы въ правѣ судить по жизни и дѣятельности человѣка. Больному все кажется увядшимъ, постылымъ, ненужнымъ, безцѣльнымъ. Здоровый во всемъ видитъ радость, красоту и свѣжесть молодости. Посмотрите, какъ Толстой этого періода чувствуетъ и описываетъ природу—солнце, звѣзды, небо, лѣсъ, рѣку. Посмотрите, какъ чудесно передается у него торжественное благолѣпіе церковной службы, которую онъ такъ безпощадно высмѣялъ впослѣдствіи. Ни одной стороны жизни не оставилъ онъ безъ вниманія, и все, даже безобразіе при его прикосновеніи получаетъ смыслъ и оправданіе, иногда даже превращается въ красоту. Крѣпостное право—вѣдь его не видно въ «Войнѣ и Мирѣ», хотя Толстому приходилось непрерывно описывать жизнь безправныхъ рабовъ. Даже ужасы войны въ концѣ-концовъ являются только темнымъ фономъ, придающимъ хотя грозную, но прекрасную и заманчивую таинственность всѣмъ событіямъ человѣческой жизни. «Война и Миръ» есть одинъ непрерывный гимнъ, безконечное славословіе Творцу, создавшему дивный міръ съ его неисчерпаемыми богатствами на радость и утѣшеніе творенію. Это ли не вѣра?

И вдругъ, къ величайшему недоумѣнію и ужасу тѣхъ, кто зналъ, любилъ и цѣнилъ Толстого-писателя, словно сразу порвались всѣ струны того чудеснаго инструмента, на которомъ разыгрывалъ онъ свой гимнъ Творцу—появилась «Исповѣдь». Все, что я говорилъ до сихъ поръ,—заявляетъ онъ дрожащимъ и прерывающимся отъ волненія и сдержаннаго чувства голосомъ,—все ложь и притворство. Ничего я не зналъ, ни во что не вѣрилъ, но мнѣ нужны были деньги и слава, и я притворялся все знающимъ учителемъ. Теперь, вдругъ почувствовавъ ужасъ приближающейся смерти, я всенародно каюсь и отрекаюсь отъ всего, что писалъ прежде...

У насъ, въ Россіи, «Исповѣдь» въ теченіе четверти вѣка не могла быть напечатана; она распространялась лишь въ рукописи и не могла быть предметомъ публичнаго обсужденія, такъ что о ней сперва многіе знали только по слухамъ и понемногу къ ней привыкли (человѣкъ ко всему привыкаетъ)—оттого она и не произвела соотвѣтствующаго впечатлѣнія. Но если бы она вышла въ Россіи своевременно, т.-е. непосредственно вслѣдъ за «Анной Карениной», она должна была бы произвести потрясающее впечатлѣніе. Если «Война и Миръ» и «Анна Каренина» лживы—то гдѣ же правда? Если Толстой, искренности и правдивости котораго такъ вѣрили, притворялся и лгалъ и притомъ изъ такихъ низменныхъ побужденій, то кому же послѣ этого вѣрить? Толстой ничего не предпринялъ для того, чтобы помочь читателю своему отвѣтить на этотъ вопросъ. «Прежде я лгалъ, притворствовалъ, училъ, самъ ничего не зная—все ради денегъ и славы, теперь я искрененъ, говорю правду и знаю,—упорно повторяетъ онъ,—и только. Разбирайтесь сами».

Посмотримъ же, чѣмъ новая вѣра отличается отъ старой и въ чемъ

на нее похожа. Посмотримъ тоже, при какихъ условіяхъ произошелъ второй кризисъ, какъ онъ проявился во внѣ и къ какимъ результатамъ привелъ онъ.

V.

Несомнѣнно, что главнымъ вдохновителемъ «Исповѣди», какъ и всего толстовскаго творчества послѣднихъ тридцати лѣтъ, былъ страхъ смерти. И этого скрывать не нужно, ибо въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго. Скорѣй наоборотъ, человѣкъ, который никогда не ужасался смерти и прожилъ всю свою жизнь такъ, какъ будто смерть и не ждетъ его впереди, долженъ поражать насъ своей почти животной ограниченностью. Паѳосъ ужаса смерти величайшій изъ извѣстныхъ людямъ паѳосовъ. Трудно даже вообразить себѣ, до чего плоской стала бы жизнь, если бы человѣку не дано было предчувствовать свою неминуемую гибель и ужасаться ей. Вѣдь все, что создано лучшаго, наиболѣе сильнаго, значительнаго и глубокаго во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества—въ наукѣ, въ искусствѣ, въ философіи и религіи, имѣло своимъ источникомъ размышленія о смерти и ужасъ предъ ней. Какъ мы помнимъ, даже первая половина жизни Толстого получила свою силу и творческое напряженіе только потому, что мысль о смерти и гибели доводила его до отчаянія. Въ этомъ отношеніи второй кризисъ по существу своему почти ничѣмъ не отличается отъ перваго. Но отысканное въ молодости средство спасенія Толстой теперь считаетъ никуда негоднымъ и ищетъ иного, такого, которое выдержало бы всѣ испытанія. До сихъ поръ, какъ онъ разсказываетъ, его вѣра въ Бога (онъ теперь, нужно замѣтить, свою прежнюю вѣру не называетъ вѣрой, но я считаю возможнымъ, даже необходимымъ говорить о его прежней жизни его прежними словами) была вѣра въ радости и хмель жизни. Онъ вспоминаетъ извѣстную восточную сказку, символически изображающую нашу жизнь. Человѣкъ виситъ на тонкой вѣткѣ надъ глубокимъ колодцемъ. Вѣтку непрерывно грызутъ двѣ мыши, черная и бѣлая, такъ что каждую минуту она можетъ оборваться. На днѣ колодца—страшный драконъ, который проглотитъ его, какъ только онъ упадетъ. Выйти изъ колодца—тоже нельзя: наверху стережетъ страшный звѣрь. И вотъ человѣкъ, въ столь ужасномъ положеніи, вдругъ увидѣлъ нѣсколько капель меду. И забывъ звѣря, мышей и дракона, онъ бросается на медъ и наслаждается его сладостью. Вспоминаетъ онъ также индусскую легенду о Сакіа-Муни, вышедшемъ изъ дворца, въ которомъ онъ такъ жилъ, что всѣ ужасы жизни были отъ него скрыты, и встрѣтившаго нищаго, старика и мертвеца. Наконецъ, онъ дѣлаетъ большія выписки изъ Экклезіаста и повторяетъ вслѣдъ за библейскимъ мудрецомъ его приговоръ жизни: суета суетъ и всяческая суета.

Все это образы, которые наиболѣе полно отражаютъ въ себѣ отношеніе Толстого къ жизни. Толстой, однако, настаиваетъ, что онъ былъ духовно и физически здоровъ: онъ могъ просиживать по 8, 10 часовъ за

работой въ кабинетѣ и не отставалъ отъ мужиковъ въ полѣ за косьбой. Все это такъ, но въ здоровье человѣка, котораго преслѣдуетъ восточная сказка, легенда о Сакіа-Муни и стихи Экклезіаста, плохо вѣрится. Правильнѣе было бы, если бы Толстой повторилъ то, что сказалъ о себѣ 15 лѣтъ тому назадъ: «я чувствовалъ, что я несовсѣмъ здоровъ, и долго это продолжаться не можетъ». Да собственно говоря, въ его «Исповѣди» встрѣчаются такія описанія его душевнаго состоянія, которыя прямо говорятъ въ пользу нашего предположенія. «Случилось,—разсказываетъ онъ о себѣ,—*то, что случается съ каждымъ*, заболѣвающимъ *смертельною внутреннею болѣзнью*. Сначала появляются ничтожные признаки недомоганія, на которые больной не обращаетъ вниманія, потомъ признаки эти повторяются все чаще и чаще и сливаются въ одно нераздѣльное по времени страданіе. Страданіе растетъ, и больной не успѣетъ оглянуться, какъ уже сознаетъ, что то, что онъ принялъ за недомоганіе, есть то, что для него значительнѣе всего въ мірѣ, есть смерть». Если принять еще въ соображеніе, что Толстому тогда не было еще пятидесяти лѣтъ, что физически онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпокъ и силенъ, что жизнь его сложилась такъ благопріятно, *какъ только онъ могъ того желать*, т.-е. иными словами, что всѣ ужасы, испытанные Толстымъ, были *безпричинны* (въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова), то нѣтъ никакого сомнѣнія, что психіатръ ни минуты не колебался бы въ діагнозѣ и предложилъ бы свои услуги и свой опытъ для лѣченія. Но если мы и готовы согласиться съ діагнозомъ психіатра, то всетаки мы не можемъ не радоваться, что при второмъ, какъ и при первомъ кризисѣ Толстой никому не ввѣрилъ своей судьбы и самъ сталъ лѣчить себя.

Гейне передаетъ, что у негровъ существуетъ повѣрье, что заболѣвшій левъ старается поймать обезьяну и разорвать ее и такимъ способомъ излѣчивается. Толстой обыкновенно тоже такъ лѣчится. Въ первое же свое заболѣваніе онъ съ бѣшенствомъ набросился на обезьянъ. Онъ разрывалъ на части и Наполеона, и военную науку, и педагогику—и, какъ мы знаемъ, надолго оправился отъ своей болѣзни. Во второй разъ повторилось то же. Онъ сталъ искать обезьянъ и, конечно, нашелъ ихъ въ достаточномъ количествѣ: современная дѣйствительность, вѣрнѣе, дѣйствительность вообще представляетъ въ этомъ отношеніи развѣ только embarras des richesses. Онъ напалъ на культурное общество, прогрессъ, медицину, церковь и съ неутомимостью и силой человѣка, только что взглянувшаго въ лицо смерти, наносилъ удары направо и налѣво, никому и ничему не давая пощады: прочтите не только «Исповѣдь», прочтите «Перепись въ Москвѣ», «Въ чемъ моя вѣра», «Такъ что же намъ дѣлать?» Какъ и въ первый разъ Толстой помиловалъ только Каратаева—смиренный, многострадальный русскій народъ. Но и то ненадолго. Постепенно угасала въ немъ и вѣра въ народъ, уступивъ мѣсто вѣрѣ въ Бога—добро, о которой у насъ и будетъ сейчасъ рѣчь.

Пока установимъ тотъ фактъ, что съ Толстымъ во второй разъ про-

изошло чудесное превращеніе. Во второй разъ онъ самъ принужденъ былъ разрушить міръ и самъ же создать новый. Настаиваю на словѣ *принужденъ*. Все, что разсказываетъ Толстой въ своей «Исповѣди» и въ другихъ сочиненіяхъ второго періода, все дышитъ необыкновенной искренностью, все правдиво. Паскаль сказалъ когда-то: Je ne puis approuver que ceux qui cherchent en gémissant. Толстой пришелся бы по вкусу Паскалю. «Я мучительно и долго искалъ, не изъ празднаго любопытства, не вяло искалъ, но искалъ мучительно и упорно, дни и ночи, искалъ, какъ ищетъ погибающій человѣкъ спасенья», читаемъ мы въ «Исповѣди». Предъ нимъ стояла смерть—и несмотря на то, что она уже второй разъ явилась и что, какъ казалось бы, на этотъ разъ Толстой, наученный прежнимъ опытомъ, долженъ былъ бы знать, что съ ней возможно бороться и что даже ее побѣдить можно, онъ такъ же ужаснулся, какъ и въ первый разъ, словно бы онъ не узналъ ея, словно бы ему показалось, что это другая, новая, еще невиданная смерть. Три года проводитъ онъ въ безумной, отчаянной борьбѣ съ ней и снова выходитъ побѣдителемъ. Теперь, какъ въ свое время Пьеръ, онъ утверждаетъ, что уже больше не боится смерти, что онъ больше не боится ничего въ мірѣ. Но если снова придетъ она,—что будетъ съ Толстымъ? Узнаетъ ли онъ ее теперь? Или опять ему покажется, что она является впервые? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ спокойно встрѣтитъ ее, или снова всколыхнутся въ немъ всѣ присмирѣвшіе ужасы, снова начнется титаническая, нечеловѣческая борьба, разрушеніе и созиданіе міровъ?—Не знаю, какъ смотрятъ другіе, не знаю, что думаетъ самъ Толстой, но для меня весь смыслъ изученія великаго земного дѣла великаго русскаго писателя въ этомъ вопросѣ. И мнѣ кажется, что каждый разъ, когда Толстой соприкасается съ матерью смертью, въ немъ рождаются новыя творческія силы. Оттого, вѣроятно, меня преимущественно влечетъ къ себѣ Толстой *измученный, растерянный, испуганный, изнемогающій*, и я болѣе равнодушенъ къ Толстому торжествующему, къ Толстому побѣдителю, Толстому учителю. Когда я въ сотый разъ читаю «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерову сонату», «Три смерти»—у меня духъ захватываетъ. Я чувствую, говоря словами Лютера, что Богъ взялъ въ руки свой страшный молотъ-законъ, но я также чувствую, что страшный молотъ—въ рукахъ Бога.

Сдѣлаю одно указаніе, которое, на мой взглядъ, здѣсь будетъ особенно умѣстнымъ. Я уже говорилъ, что душевное состояніе, описанное Лютеромъ, свойственно не одному ему. Оно является не только у пропитаннаго средневѣковыми догмами монаха, но у каждаго человѣка, который пытался выходить за ограду обыденной, устроенной жизни. Не догмы, не воспринятое ученіе подсказали Лютеру его замѣчательныя слова. Правъ былъ Джемсъ: Лютеръ вынесъ ихъ изъ собственнаго опыта. То же вынесъ и Толстой, но что еще любопытнѣе и замѣчательнѣе, то же вынесъ и Ницше и выразилъ это съ не меньшей страстью и паѳосомъ, чѣмъ Лютеръ. Я уже однажды приводилъ это мѣсто изъ Ницше, но считаю возможнымъ и нужнымъ вновь привести его, для того, чтобы пролить хоть

немного свѣта въ ту кромѣшную тьму, которая волею боговъ или нашими стараніями сгустилась какъ разъ тамъ, гдѣ рѣшаются человѣческія судьбы. «Школа страданія, великаго страданія,—говоритъ Ницше,—знаете ли вы, что только въ этой школѣ совершенствовался до сихъ поръ человѣкъ? То напряженіе души въ бѣдѣ, которое даетъ ей силы, ея ужасъ при мысли о неизбѣжной гибели, ея смѣлость и находчивость въ искусствѣ выносить, претерпѣвать, истолковывать, утилизировать несчастье—все, что когда-либо было ей дано глубокаго, таинственнаго, хитраго, великаго,—развѣ все это она получила не отъ страданія, великаго страданія? Въ человѣкѣ соединены твореніе и творецъ; въ человѣкѣ есть матерія, обломки, глина, грязь, безсмыслица, хаосъ; но въ человѣкѣ же есть также творецъ, художникъ, твердость молота, божественный созерцатель, счастье седьмого дня: понимаете ли вы эту противоположность? И понимаете ли вы, что ваше состраданіе направлено на «твореніе въ человѣкѣ», на то, что должно быть сформировано, разбито, выковано, разорвано, переплавлено, очищено, на то, чему по необходимости слѣдуетъ, должно страдать? А наше состраданіе—вы понимаете, къ чему относится наше обратное состраданіе, когда оно возстаетъ противъ вашего, какъ противъ худшаго изъ всѣхъ видовъ изнѣженности и слабости?» Развѣ эти слова продиктованы Ницше не тѣмъ же чувствомъ, которое заставило говорить Лютера? Развѣ вы не видите и не слышите здѣсь страшныхъ ударовъ молота Божьяго? И развѣ не о томъ же разсказываетъ намъ Толстой въ «Смерти Ивана Ильича?» И притомъ Лютеръ, Ницше и Толстой не сговаривались. О каждомъ изъ нихъ можно сказать, что они вынесли свое «знаніе» изъ личнаго опыта. Толстой не признаетъ Лютера: Лютеръ говоритъ о спасеніи вѣрой, а современное знаніе и весь человѣческій разумъ никакъ не могутъ принять такое ученье. Толстой не признаетъ и Ницше: «мальчишеское оригинальничанье полубезумнаго Ницше,—пишетъ онъ въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ произведеній *),—не представляющее даже ничего цѣльнаго и связнаго, какіе-то наброски безсвязныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ мыслей», или «безсвязныя, самымъ пошлымъ образомъ бьющія на эффектъ писанія одержимаго маніей величія бойкаго, но ограниченнаго нѣмца». Этотъ отзывъ Толстого о Ницше, также какъ и его критика ученія о благодати **) страннымъ образомъ противорѣчатъ и духу и буквѣ его собствен-

*) „Что такое религія и въ чемъ ея сущность?"

**) Приведу отрывокъ изъ книги „Въ чемъ моя вѣра", чтобъ читатель имѣлъ предъ глазами образецъ отношенія Толстого къ чужимъ вѣрованіямъ: „еще съ большей торжественностью и увѣренностью утверждается то, что послѣ Христа вѣрою въ него человѣкъ освобождается отъ грѣха, т.-е. что человѣку послѣ Христа не нужно уже разумомъ освѣщать свою жизнь и избирать то, что для него лучше. Ему нужно вѣрить только, что Христосъ искупилъ его отъ грѣха, и тогда онъ безгрѣшенъ, т.-е. совершенно хорошъ. По этому ученію люди должны воображать, что въ нихъ разумъ безсиленъ и что потому-то они и безгрѣшны, т.-е. не могутъ ошибаться". Какъ вѣрно логически это reductio ad absurdum ученія о благодати и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ненужно оно и какъ мало оно имѣетъ отношенія къ тому, что происходило съ Лютеромъ...

наго ученія. «Утвержденіе, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому» пишетъ онъ въ «Исповѣди». Въ другомъ мѣстѣ («Въ чемъ моя вѣра?») онъ еще подробнѣе распространяется на эту тему по поводу Матѳ. V, 22 «кто же скажетъ своему брату «рака»—подлежитъ синедріону, а кто скажетъ «безумный» подлежитъ гееннѣ огненной». Рака значитъ «ничтожный». Посмотрите отзывъ Толстого о Ницше: въ немъ, какъ будто нарочно для того, чтобы нарушить любимую заповѣдь Толстого во всемъ ея объемѣ, употреблены оба слова—и «ничтожный» и «безумный». Но, какъ только дѣло касается ученія, Толстой первый подаетъ примѣръ неисполненія собственныхъ правилъ, словно затѣмъ, чтобы предостеречь и спасти отъ соблазна покорности своихъ учениковъ и послѣдователей. Не въ моемъ ученіи, не въ моихъ правилахъ и заповѣдяхъ дѣло, говоритъ онъ всѣми своими поступками и всѣми своими книгами. Если хотите быть со мной, пренебрегите моимъ ученіемъ.

VI.

Я указалъ на то обстоятельство, что второй кризисъ Толстого во всѣхъ отношеніяхъ является повтореніемъ перваго. Та же причина—ужасъ смерти, то же душевное состояніе—отчаяніе, то же средство лѣченія—разрываніе обезьянъ и, наконецъ, то же спасеніе—вѣра въ Бога. Вотъ какъ онъ описываетъ свое второе спасеніе: «Я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ него—и я умираю. Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бы у меня не было смутной надежды найти его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Такъ чего же я ищу еще?—воскликнулъ во мнѣ голосъ.—Такъ вотъ онъ. Онъ есть то, безъ чего жить нельзя. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось вокругъ меня и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня. И я спасся отъ самоубійства. Когда и какъ совершился во мнѣ этотъ переворотъ, я не могъ бы сказать. Какъ незамѣтно, постепенно уничтожалась во мнѣ сила жизни, и я пришелъ къ невозможности жить, къ остановкѣ жизни, къ потребности самоубійства, такъ же постепенно, незамѣтно возвратилась ко мнѣ эта сила жизни. И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мнѣ, была не новая, а самая старая—та самая, которая влекла меня на первыхъ порахъ моей жизни... Только та и была разница, что тогда это все было принято безсознательно, а теперь—сознательно».

«Вѣра,—дѣлаетъ отсюда выводъ Толстой,—есть знаніе смысла жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни». Я намѣренно подробно остановился здѣсь на описаніи второго кризиса Толстого, подобно тому, какъ раньше столь же подробно остановился на первомъ кризисѣ. И теперь снова спрашиваю: чѣмъ отличаются они другъ отъ друга? И смѣло, положа руку на сердце, отвѣчаю: до сихъ поръ ничѣмъ. Даже опредѣленіе, вѣрнѣе, чувство Бога вылилось въ тѣхъ же словахъ: Богъ есть жизнь. Пьеръ говорилъ буквально то же. Но теперь Толстой не признаетъ Пьера, какъ не признаетъ своей же «Войны и мира» и своей «Анны Карениной», ему нужно напасть на самого себя, какимъ онъ былъ въ теченіе всей своей сознательной и дѣятельной жизни. Плутархъ, описывая послѣдніе годы Цезаря, замѣчаетъ, что Цезарь словно завидовалъ своей прежней славѣ и хотѣлъ новыми подвигами затмить старые. Новый Богъ Толстого тоже не выноситъ его стараго Бога, какъ новая дѣятельность его не выноситъ прежней. Жажда разрушенія переходитъ въ жажду саморазрушенія. Или, быть можетъ, наоборотъ? Можетъ быть, началомъ всему была жажда саморазрушенія? Весьма вѣроятно. Не даромъ Достоевскій утверждаетъ, что инстинктъ разрушенія въ человѣкѣ по крайней мѣрѣ такъ же силенъ, какъ и инстинктъ созиданія: Достоевскій знаетъ эти дѣла. Но даже и спокойный, ясный Пушкинъ имѣлъ такого рода предчувствія: все, все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизъяснимы наслажденья. Во всемъ, что дѣлаетъ и говоритъ Толстой, нельзя не замѣтить радости разрушенія. И это не только потому, что обыкновенно человѣкъ пишетъ или разсказываетъ о происходившихъ въ немъ душевныхъ буряхъ и опустошеніяхъ лишь послѣ того, когда они ушли уже въ область прошлаго и не грозятъ больше ничѣмъ. Такой моментъ тоже наблюдается въ творчествѣ Толстого—но онъ всего не объясняетъ. Чувствуется, что опасность сама по себѣ влечетъ его, хотя онъ безумно боится ея. Такъ птица со страхомъ и ужасомъ бросается въ пасть змѣи—какая таинственная сила заставляетъ идти ее на вѣрную и страшную смерть?

Міръ погибъ, все погибло, я самъ погибъ, нѣтъ Бога, некому молиться, некого просить—изъ этого рождается новый міръ, вѣра въ себя, въ Бога, молитвы и упованія. Въ оба кризиса Толстой испыталъ одно и то же. И вотъ послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго, Толстой начинаетъ осуществлять свою вѣру въ жизни, въ дѣлахъ, какъ онъ говоритъ. Частной жизни его, хотя о ней много писали и пишутъ, мы не знаемъ, да частная жизнь хотя бы и великаго человѣка не подлежитъ обсужденію, пока онъ еще съ нами. Но литературная его дѣятельность дастъ достаточно матеріала для выясненія того, что можетъ быть выяснено человѣческими силами. Вслѣдъ за первымъ кризисомъ Толстой далъ намъ «Войну и миръ» и «Анну Каренину», вслѣдъ за вторымъ цѣлый рядъ религіозно-философскихъ трактатовъ и немало художественныхъ произведеній, признанныхъ всѣмъ міромъ перлами литературы. Первыми произведеніями были «Въ чемъ

моя вѣра» и «Исповѣдь», какъ предисловіе къ «Критикѣ догматическаго богословія». Въ «Исповѣди», кромѣ описанія происшедшаго съ Толстымъ переворота, есть еще указанія на причины, въ силу которыхъ онъ не могъ принять христіанства ни въ одной изъ существующихъ историческихъ формъ, иными словами—причины его разрыва съ церковью. Для нѣкоторыхъ это представляетъ тоже немалый, даже, пожалуй, исключительный интересъ, но насъ это, въ виду поставленной нами себѣ цѣли, не занимаетъ. Толстой напалъ на церковь съ тою же яростью, съ какой онъ въ свое время нападалъ на Наполеона, но мы знаемъ уже, что это значитъ: левъ заболѣлъ и сталъ лѣчиться по своему особенному способу. «Критика догматическаго богословія», страшно обидная для истинныхъ чадъ церкви, часто поражаетъ своей ненужностью, даже и тогда, когда формально она вполнѣ убѣдительна. Мы уже приводили мимоходомъ образецъ отношенія Толстого къ ученію о спасеніи вѣрой. Какъ догма, оно, конечно, не выдерживаетъ натиска раціонализма и въ томъ толкованіи, которое ему даютъ ходячіе катехизисы, до такой степени слабо, что на него не стоитъ нападать съ такой энергіей. То же можно сказать по поводу многихъ страницъ «Критики догматическаго богословія». Когда Вольтеръ чуть ли не двѣсти лѣтъ тому назадъ высмѣивалъ церковную догматику—это имѣло свой смыслъ, ибо было для многихъ новостью. Въ наше же время повторять Вольтеровскіе опыты совершенно безцѣльно, и нужно удивляться, какъ хватило у Толстого терпѣнья и охоты такъ подробно, слово за словомъ разбирать двухтомное сочиненіе московскаго митрополита Макарія. Достаточно было сказать нѣсколько словъ о томъ, каковы условія, поставляемыя Толстымъ для признанія того или иного положенія истиннымъ, для того чтобы всякому стало очевиднымъ, что ни одно изъ положеній «православно-догматическаго богословія» Толстымъ и всѣми, признающими общелогическія требованія Толстого, принято быть не можетъ. И не было необходимости отдѣльно разбивать догматъ о Троицѣ, порознь высмѣивать всѣ церковныя таинства и т. д. Еще имѣла смыслъ борьба Толстого съ церковью по вопросамъ этическимъ, т.-е. о томъ, какъ понимать нравственное ученіе Христа, т.-е. можно ли христіанину идти на войну, казнить людей, принимать присягу, разводиться съ женой и т. д. Все это вопросы въ самомъ дѣлѣ спорные и, главное, допускающіе обсужденіе. Вопросы же догматическіе, какъ самъ Толстой не разъ говоритъ, принимаются на вѣру либо людьми, совершенно невѣжественными, либо такими, которые изъ корыстныхъ побужденій исповѣдуютъ догматы, имъ самимъ ничего не говорящіе. Въ обоихъ случаяхъ споръ излишенъ и неумѣстенъ. Tertium же, по словамъ Толстого, non datur. Поэтому-то «критика догматическаго богословія», какъ таковая, для насъ интереса не представляетъ.

Но тѣмъ болѣе занимаетъ насъ то «новое» толкованіе Евангелія, которое предлагаетъ намъ Толстой. Оно находится въ связи съ его новой религіей или, точнѣе, свою новую религію Толстой пытается построить, по его словамъ, на Евангеліи и только на Евангеліи.

Толстой утверждаетъ, что онъ отнюдь не толкуетъ Евангелія. Книга «Въ чемъ моя вѣра?» съ того и начинается. «Я не толковать хочу ученіе Христа, а только одного хотѣлъ бы: запретить толковать его». Что, однако, означаютъ эти слова? Толстой говоритъ «толковать ученіе Христа». Значитъ это «толковать Евангеліе»? Если нѣтъ, то откуда же знать ученіе Христа? Кромѣ Евангелія источниковъ нѣтъ. Правда, церковь признаетъ еще преданіе, но Толстой, конечно, не изъ преданія, которое онъ высмѣиваетъ, узналъ ученіе Христа. Значитъ, не толковать ученіе Христа все равно, что не толковать Евангеліе. Толстой, однако, съ этимъ ни за что не согласился бы ни теперь, когда онъ въ религіи видитъ синтезъ всѣхъ существовавшихъ религій, ни раньше, когда онъ единственную истинную религію видѣлъ въ ученіи Христа. Черезъ страницу послѣ того, какъ онъ торжественно объявилъ, что не хочетъ толковать ученія Христа и мечтаетъ только о томъ, чтобы совершенно запретили бы всякія толкованія, онъ приступаетъ къ толкованію Евангелія и этимъ толкованіемъ занимается на пространствѣ всей книги «Въ чемъ моя вѣра» *). Да оно иначе и не могло быть у Толстого: «я готовъ былъ,—говоритъ онъ,—теперь принять всякую вѣру, только бы она не требовала прямого отрицанія разума, которое было бы ложью». Разъ условіемъ вѣры является разумъ—очевидно ни одно ученіе не можетъ быть принято безъ критики; также очевидно, какъ мы сейчасъ убѣдимся, что ученіе Христа даже въ той части и въ томъ пониманіи, которое допускаетъ Толстой, никоимъ образомъ не можетъ быть принято разумомъ. И Толстой, когда хочетъ, знаетъ это: «...я бы сказалъ неправду, если бы сказалъ, что я разумомъ пришелъ къ тому, къ чему я пришелъ... Разумъ работалъ, но работало и еще что-то другое, чего я не могу назвать иначе, какъ сознаніемъ жизни». А тутъ еще возникаетъ вопросъ: точно ли разумъ всегда исполняетъ свои функціи объективнаго изслѣдованія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ торжественно провозглашаетъ своей единственной цѣлью истину. Самъ Толстой на этотъ счетъ сообщаетъ намъ чрезвычайно любопытныя вещи: «Истина всегда была истина, но я не признавалъ ея, потому что, признавъ, что дважды-два четыре, я уже долженъ былъ признать то, что я не хорошъ. *А чувствовать себя хорошимъ для меня было важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ дважды два есть четыре*». Это ретроспективное признаніе—поразительно, что всѣ такого рода признанія у Толстого ретроспективны, т. е. даются тогда, когда они уже къ настоящему не относятся и имѣютъ силу лишь по отношенію къ прошлому—невольно наводитъ насъ на мысль: да какъ же довѣряться разуму, даже толстовскому или, если угодно, именно толстовскому, разъ онъ склоненъ на такіе компромиссы? Правда, Толстой утверждаетъ, что это у него было только прежде, до пятидесяти лѣтъ, а теперь этого уже нѣтъ. Но вѣдь прежде онъ въ себѣ не замѣчалъ такой

*) Я уже не говорю о „Соединеніи, переводѣ и толкованіи 4 Евангелій“, въ которомъ Толстой пускается въ самые тонкіе вопросы экзегетики и даже въ филологическія изысканія о значеніи греческихъ словъ.

особенности. А что, если она и теперь сохранилась, притаившись въ какой-нибудь едва замѣтной складкѣ души, что, если и теперь быть хорошимъ важнѣе и обязательнѣе, чѣмъ дважды-два четыре? Можно и нужно такому разуму ввѣрять судьбу важнѣйшаго человѣческаго дѣла?! Тѣмъ болѣе, что, какъ мы только что слышали, по собственному признанію Толстого, не разумъ спасъ его отъ отчаянія въ самыя ужасныя минуты его жизни. Работала въ немъ какая-то чудесная, таинственная сила, которую онъ почему-то (я говорю «почему-то», но на самомъ дѣлѣ не почему-то, а потому, что того требовалъ разумъ) называетъ ничего не говорящими словами «сила жизни». Но, такъ или иначе, Толстой приступаетъ къ толкованію и критикѣ Евангелія, къ исканію религіи (не Бога, а религіи—не слѣдуетъ смѣшивать эти два понятія) подъ верховнымъ руководствомъ разума. Послѣдуемъ за нимъ и посмотримъ, что изъ этого вышло.

VII.

Какъ всегда, у Толстого выдержки и послѣдовательности мало, и это дѣлаетъ его философско-богословскія изслѣдованія столь важными и значительными. Даже «Критика догматическаго богословія»—въ концѣ-концовъ книга замѣчательная, ибо, помимо вольтеровскаго, разумнаго, общечеловѣческаго въ ней есть много собственно-толстовскаго, т.-е. презирающаго разумъ. Какое-то чувство или инстинктъ подсказалъ Толстому, что если Евангеліе есть дѣйствительно слово Божіе, то сущность его нужно искать въ наиболѣе непонятныхъ и загадочныхъ словахъ Христа, т.-е. именно въ тѣхъ, съ которыми разумъ никакъ сладить не можетъ, которыя разумъ отрицаетъ всѣмъ своимъ существомъ. «Въ чемъ моя вѣра» и начинаетъ поэтому съ нагорной проповѣди. Толстой принимаетъ ее—вопреки традиціоннымъ истолкованіямъ, стремящимся приспособить ее къ условіямъ нашей обыденной жизни и къ привычкамъ разума—цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и дополненій, въ буквальномъ смыслѣ ея и въ самомъ дѣлѣ опредѣленныхъ и не допускающихъ различнаго пониманія словъ. Что никто до него не понималъ такъ нагорной проповѣди, что историческое христіанство понимало ее такимъ образомъ, какъ будто бы въ ней было сказано прямо противоположное тому, что сказано на самомъ дѣлѣ—съ этимъ Толстой не считается. Если до сихъ поръ истинный міръ былъ для всѣхъ закрытъ—развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ и на будущее время, навсегда долженъ остаться закрытымъ? «Долго я не могъ привыкнуть къ этой странной мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона милліардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь изученію этого закона, теперь мнѣ пришлось какъ что-то новое открыть законъ Христа. Но какъ это ни странно, это было такъ»... «Я остался опять одинъ со своимъ сердцемъ и съ таинственною книгой предъ собой». И вотъ сердце Толстого выбираетъ изъ таинственной книги самыя таинственныя и загадочныя слова: «вы слышали, что сказано древнимъ: око

за око, зубъ за зубъ. А Я вамъ говорю: не противьтесь злому». Несомнѣнно, трудно придумать другія слова, которыя находились бы въ болѣе явномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ нашимъ разумомъ и повседневнымъ опытомъ каждаго человѣка. Я знаю, что были люди, которые вѣрили въ эти слова, но я не знаю людей, которые бы ихъ понимали. Здѣсь именно какъ разъ тотъ случай, когда можно и должно повторить Тертуліана: credo, quia absurdum. Вся очевидность, весь опытъ современнаго и историческаго человѣчества возстаетъ противъ завѣта непротивленія злу, и полную практическую непримѣнимость его одинаково хорошо умѣетъ доказать и пятнадцатилѣтній семинаристъ и Іоаннъ Златоустъ. И съ тѣхъ поръ, какъ европейскій міръ офиціально призналъ Евангеліе Божественной книгою, семинаристы и Іоанны Златоусты непрерывно и превосходно опровергали эту заповѣдь,—ссылаясь, однако, не на откровеніе, а на свой обыкновенный, человѣческій разумъ. Какъ извѣстно, каждый разъ, когда истина откровенія становится невыносимо трудной для человѣка, онъ начинаетъ противопоставлять ей и ограничивать ее разумомъ, хотя очень охотно пренебрегаетъ разумомъ, если божественная мудрость ни къ чему не обязываетъ. Но Толстой предпринялъ задачу поистинѣ неслыханную. Послѣдовательно держась (Толстой бываетъ и послѣдовательнымъ) возвѣщенной имъ невозможности отрицанія разума, онъ вступаетъ въ полемику съ Іоанномъ Златоустомъ и всѣми церковными богословами, доказываетъ, что разумъ можетъ и умѣетъ объяснить слова Христа о непротивленіи злу. И здѣсь послѣдовательность Толстого не случайна: онъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ отказаться отъ разума. Но онъ не можетъ отказаться и отъ *этихъ* словъ Христа, т.-е. отъ нагорной проповѣди. «Еще съ дѣтства,—разсказываетъ онъ,—съ тѣхъ поръ какъ я сталъ для себя читать Евангеліе, во всемъ Евангеліи меня трогало и умиляло больше всего то ученіе Христа, въ которомъ проповѣдуется любовь, смиреніе, униженіе, самоотверженіе и возмездіе добромъ за зло. Такова и осталась для меня сущность христіанства, то, что я сердцемъ любилъ въ немъ, то, во имя чего я, послѣ отчаянія, призналъ истиннымъ тотъ смыслъ, который придаетъ жизни христіанскій трудовой народъ». Сердцемъ, дѣйствительно, можно признать эту часть евангельскаго ученія, можно даже радоваться ея таинственности и загадочной непостижимости,—но какъ заставить разумъ санкціонировать влеченіе сердца? И, потомъ, что собственно должна дать въ этомъ случаѣ, по мнѣнію Толстого, санкція разума? Зачѣмъ она? Почему не обойтись безъ нея? Повторяю и подчеркиваю: я считаю толстовское толкованіе нагорной проповѣди безусловно правильнымъ. Даже больше, я считаю, что по поводу нагорной проповѣди (но отнюдь не по поводу всего Евангелія) Толстой почти выдержалъ поставленный себѣ искусъ: брать слова Христа такими, какими они дошли до насъ, не разрѣшая себѣ произвольно ни расширять, ни суживать ихъ значеніе, и потому онъ вполнѣ правъ, когда, полемизируя съ установившимися расширительными и ограничительными толкованіями евангельскихъ текстовъ,

онъ каждый разъ повторяетъ, что Христосъ говоритъ то, что Онъ говоритъ и, что если бы Онъ хотѣлъ сказать то, что говорятъ представители разныхъ церквей, то Онъ умѣлъ бы сказать ихъ словами. Но когда, вслѣдъ за тѣмъ, онъ пытается доказать, что онъ *понимаетъ* и *можетъ объяснить* слова Христа, иначе говоря, что исполненіе завѣтовъ Христа привело бы къ земному счастью не только всѣхъ или большинство людей, но и отдѣльнаго человѣка (такой смыслъ имѣетъ у Толстого «санкція разума»), то поневолѣ задумаешься. Зачѣмъ такъ очевидно для всѣхъ насиловать истину? И почему человѣкъ столь колоссальнаго ума не хочетъ видѣть и знать того, что знаетъ не только Іоаннъ Златоустъ или полемизировавшій съ Толстымъ Вл. Соловьевъ, но что знаетъ каждый школьникъ? Межъ тѣмъ Толстой не знаетъ, не хочетъ знать. Онъ высмѣиваетъ, очень удачно, офиціальныхъ представителей христіанства въ своемъ разсказѣ о молодомъ гренадерѣ, прогонявшемъ нищаго, и на вопросъ Толстого, читалъ ли онъ Евангеліе, побѣдоносно отвѣтившаго: «а ты воинскій уставъ читалъ»? Не менѣе удачно подбираетъ онъ выдержки изъ катехизиса въ доказательство того, что необходимость согласовать Евангеліе съ требованіями государства ведетъ если не къ открытому, какъ у молодого гренадера, то къ тайному подчиненію Евангелія воинскому уставу. Но все это вѣдь въ концѣ-концовъ имѣетъ второстепенное значеніе. Люди, называющіеся христіанами, исказили изъ корыстныхъ побужденій ученіе Христа—кто этого не знаетъ? Существенный вопросъ въ томъ, выдерживаетъ ли это ученіе разумную критику и если не выдерживаетъ (въ чемъ сомнѣваться нельзя), то чѣмъ пожертвовать: ученіемъ или разумомъ? Вотъ тотъ страшный и мучительный вопросъ, который не разъ уже становился предъ людьми. Бывали смѣльчаки, которые рѣшительно становились на сторону ученія, не отступая даже предъ необходимостью заявить: credo quia absurdum. Но Толстой не могъ пойти за ними. Онъ въ этомъ отношеніи остался вѣрнымъ сыномъ своего времени, такъ упорно (я говорю о послѣднемъ пятидесятилѣтіи) стремящемся примирить вѣру съ разумомъ. Странно это, но это такъ. Толстой, который, кажется, такъ ненавидитъ все современное, въ наиболѣе существенномъ и важномъ пунктѣ раздѣляетъ наиболѣе распространенный и, повидимому, наиболѣе ложный и мучительный предразсудокъ нашей эпохи. Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній («Что такое религія и въ чемъ ея сущность», 1902 года) онъ прямо такъ и опредѣляетъ религію: «религія есть установленное, согласное съ разумомъ и съ современными знаніями отношеніе человѣка къ вѣчной жизни, къ Богу». Читаешь и не вѣришь себѣ, что Толстой могъ написать это,—Толстой, всю жизнь свою боровшійся съ современной наукой и высмѣивавшій ея притязанія. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая цѣна можетъ быть религіи, если она опредѣляется *современными* знаніями, т.-е. предразсудками и суевѣріями нашей эпохи. Самъ Толстой со свойственной ему широтой и проникновенностью взгляда говоритъ, что «черезъ нѣсколько вѣковъ исторія такъ называемой науч-

ной дѣятельности нашихъ прославляемыхъ послѣднихъ вѣковъ европейскаго человѣчества будетъ составлять неистощимый предметъ смѣха и жалости будущихъ поколѣній». И такой наукѣ давать рѣшающее слово, когда дѣло касается религіи?! И потомъ—о какихъ современныхъ знаніяхъ говоритъ Толстой? О рентгеновскихъ лучахъ, микробахъ холеры или чахотки, о свойствахъ радія? Очевидно—нѣтъ, все это прямого отношенія къ религіи не имѣетъ. Очевидно, онъ говоритъ объ основныхъ принципахъ, о предпосылкахъ современной науки—о естественномъ развитіи, о законѣ причинности и т. д. Съ этими-то принципами мы, современные люди, должны считаться, когда ищемъ вѣры и Бога, хотя знаемъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ они будутъ предметомъ смѣха и жалости для нашихъ потомковъ. Безъ Спенсера, Дарвина, Канта, Конта, какъ моряки безъ компаса, мы не можемъ пускаться въ дальній путь?! Толстой рекомендуетъ для чтенія статью Карпентера «Современная наука» и даже написалъ къ ней предисловіе. Собственно Карпентеръ не представляетъ самобытныхъ возраженій противъ современныхъ научныхъ теорій. Можно указать другихъ ученыхъ и философовъ, которые были еще строже и безпощаднѣе, чѣмъ Карпентеръ. Вся новѣйшая гносеологія, въ сущности, сводится къ подрыванію основъ научнаго знанія. Посмотрите во что выродилось кантіанство подъ руками философовъ марбургской школы или Виндельбандо-Риккертовскаго направленія. Или возьмите хотя бы прогремѣвшій въ послѣднее время прагматизмъ, считающій Милля своимъ ближайшимъ родоначальникомъ. Ни прагматизмъ, ни современный идеализмъ не признаютъ даже и возможности знанія. То, что оба эти столь враждующія между собой теченія называютъ знаніемъ, есть лишь нѣкая система сужденій à priori, та нѣкоторая воображаемая вѣшалка, на которой размѣщаются безпорядочныя впечатлѣнія индивидуумовъ. Споръ между прагматистами и идеалистами идетъ лишь о природѣ вѣшалки. Первые утверждаютъ, что вѣшалка, какъ и все въ мірѣ, существуетъ не отъ сотворенія міра, а лишь очень давно и сдѣлана она самимъ человѣкомъ для его пользы, ибо все только для пользы и дѣлается, вторые, не отрицая того, что вѣшалка есть вѣшалка, т.-е. не знаніе, а суррогатъ знанія, настаиваютъ на томъ, что хотя она и сдѣлана для нѣкоторой цѣли, но отнюдь не для низко утилитарной, а для возвышенной. Но всѣ теоріи познанія, т.-е. всѣ теоріи, ставящія и разрѣшающія вопросъ о сущности нашего знанія, единогласно утверждаютъ, что никакого у насъ знанія нѣтъ и быть не можетъ. И, что бѣды въ этомъ нѣтъ никакой, ибо, въ сущности, намъ знаніе не нужно. Такой глубины скептицизма и такого недовѣрія къ наукѣ не испытала, кажется, ни одна изъ извѣстныхъ намъ историческихъ эпохъ. Прикладныя науки процвѣтаютъ—въ области же общихъ принциповъ вы не найдете ни одной объединяющей всѣхъ изслѣдователей идеи. По признанію одного изъ авторитетныхъ нѣмецкихъ гносеологовъ (Husserl'а), въ области логики и теорій познанія сейчасъ происходитъ bellum omnium contra omnes. Мнѣніе Карпентера, что современная наука представляетъ

собой случайный и безпорядочный наборъ клочковъ и обрывковъ приблизительныхъ знаній—есть только выводъ изъ общихъ положеній современной гносеологіи. И вотъ Толстой, давшій предисловіе къ переводу статьи Карпентера и какъ будто радующійся тому, что Карпентеръ такъ остроумно разбиваетъ господствующее среди «образованной толпы» мнѣніе о великихъ побѣдахъ науки, этотъ же Толстой самъ настолько вѣритъ въ науку и именно въ современную науку, что даетъ ей право неограниченнаго контроля надъ всякаго рода исканіями. И онъ, какъ Контъ, въ концѣ-концовъ думаетъ, что теологическій и метафизическій періоды мышленія уже миновали и наступилъ періодъ положительный—хорошаго, вѣрнаго мышленія. А вѣдь какъ остроумно и тонко онъ самъ высмѣивалъ этотъ мнимый контовскій законъ!

VIII.

Вѣра въ естественное развитіе и законъ Конта есть смертный грѣхъ нашей современности. Это—то заблужденіе, о которомъ говоритъ въ приведенныхъ выше словахъ Лютеръ: оно стоитъ и будетъ всегда стоять на пути человѣческаго спасенія. Не только наше время, всякое время считаетъ уровень своего знанія очень высокимъ и стремится своими знаніями, т.-е. своей ограниченностью, опредѣлить свое отношеніе къ безконечному. Толстой далъ правильное опредѣленіе того, что принято въ образованныхъ кругахъ называть религіей, но эта ученая религія и есть глубочайшее невѣріе. Я, конечно, менѣе всего склоненъ брать на себя защиту какихъ бы то ни были религіозныхъ или философскихъ догмъ, тѣхъ ли, которыя разрываетъ своей критикой Толстой, или даже тѣхъ, которыя, какъ у Лютера его ученіе о спасеніи вѣрой, возникаютъ изъ непосредственныхъ переживаній и потому запечатлѣны свѣжестью, глубиной и силой чувства. Монашеская власяница, шлемъ, забрало и латы средневѣковья красивѣе и поэтичнѣе современной шелковой рясы или чернаго профессорскаго сюртука, но всѣ эти красивые и некрасивые наряды—только внѣшность и форма, и хотя отчасти они и открываютъ кроющуюся подъ ними жизнь, исканія и борьбу, но еще больше скрываютъ ихъ. Догмы же, оторванныя отъ внутреннихъ переживаній, увядаютъ и высыхаютъ, какъ опавшіе съ дерева листья и потому въ глазахъ нашихъ могутъ имѣть очень ограниченную цѣнность. Но равнодушіе къ догмамъ далеко не означаетъ равнодушія къ величайшимъ человѣческимъ бореніямъ и исканіямъ. Скорѣй наоборотъ, догмы цѣнитъ тотъ, кто равнодушенъ къ человѣческому и божескому творчеству. Ему хочется знать, твердо знать, что гдѣ-то кѣмъ-то уже все сдѣлано и что потому можно спокойно вѣрить, т.-е. пережевывать жвачку. И вотъ, когда Толстой, весь охваченный трепетомъ ужаса и радости, идетъ къ своей «таинственной книгѣ» и, вопреки тысячелѣтнимъ традиціямъ и сложившимся «догмамъ», находитъ въ ней слова, опрокидывающія весь строй нашей внутренней и внѣшней жизни,—

мы поражаемся его силой и величіемъ. Мы начинаемъ думать, что и въ самомъ дѣлѣ на него сошла благодать, что онъ сподобился почувствовать дыханіе Бога, его восторгъ сообщается намъ, и мы съ затаеннымъ дыханіемъ ждемъ. Но,—увы!—человѣкъ, даже величайшій человѣкъ остается человѣкомъ, какъ и высочайшія земныя вершины Кавказа и Гималаевъ, сравнительно со всѣмъ земнымъ шаромъ—только небольшія кочки. Надолго вынести видъ Бога, навсегда соединиться съ безконечнымъ не дано смертному. Даже то волненіе, которое вызываетъ у человѣка близость смерти, хотя бы онъ, какъ Толстой, дважды прямо взглянулъ ей въ глаза, не можетъ дать силъ, нужныхъ для того, чтобъ надолго оторваться отъ земли. На мгновеніе человѣкъ, какъ кузнечикъ, взлетитъ на высоту—и вотъ онъ уже снова на своемъ прежнемъ мѣстѣ и *либо* твердитъ увядшія и засохшія слова давно умершихъ догмъ, какъ то дѣлаютъ противники Толстого, *либо* повторяетъ подсказываемыя ему разумомъ твердыя правила и вѣчныя истины. Толстой такъ именно и поступаетъ съ Евангеліемъ. Онъ ищетъ въ этой «таинственной книгѣ» правилъ жизни. Не противься злому, не клянись, не прелюбодѣйствуй, не покидай женщины, которая была однажды твоей женой, и т. д. Все дѣло, говоритъ онъ намъ, въ томъ, чтобъ извлечь изъ Евангелія указанія о томъ, какъ поступать въ жизни, для того, чтобы жизнь стала не кромѣшнымъ адомъ, какъ теперь, а свѣтлымъ, яснымъ, радостнымъ раемъ. Онъ старается цитатами изъ Евангелія доказать, что Христосъ именно затѣмъ пришелъ на землю, чтобы научить людей, какъ имъ лучше устроиться. «Христосъ учитъ не спасенію вѣрой или аскетизму... но онъ учитъ *жизни такой, при которой*, кромѣ спасенія отъ погибели личной жизни, еще и здѣсь, въ этомъ мірѣ, меньше страданій и больше радостей, чѣмъ при жизни личной». И еще: «ученіе Христа имѣетъ и самый простой, ясный, практическій смыслъ для жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Этотъ смыслъ можно выразить такъ: Христосъ училъ людей не дѣлать глупостей. Въ этомъ состоитъ самый простой, всѣмъ доступный смыслъ ученія Христа». Обѣ эти цитаты взяты мной изъ X главы книги «Въ чемъ моя вѣра?» Но въ VIII главѣ указывается еще на одинъ смыслъ ученія Христа: «въ признаніи этой своей мірской, личной жизни за что-то дѣйствительно мнѣ принадлежащее и лежитъ недоразумѣніе, препятствующее пониманію ученія Христа». ...«Смерть, смерть и смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь *лично для себя* въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно—смерть. И эта смерть разрушаетъ все, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла». Жизнь для себя не можетъ имѣть смысла, это усмотрѣлъ Толстой въ Евангеліи. Но тогда, зачѣмъ же искать радостей, хотя бы не тѣхъ, которыя цѣнятъ обыкновенные люди, а болѣе высокихъ и чистыхъ? Вѣдь что бы тамъ ни говорили, а радость есть чисто индивидуальное, личное чувство, и, если нужно отречься отъ себя, отъ своей индивидуальности, то гдѣ уже тутъ о радостяхъ думать!

Но Толстой радости не уступитъ, какъ не уступитъ онъ разума, ибо это, выражаясь его словами, было бы ложью. И въ самомъ дѣлѣ *это было бы ложью*—для Толстого. Послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго, Толстой заговорилъ о самоотреченіи, о жертвѣ, объ опростѣніи. Пьеръ вѣдь тоже, какъ и Толстой, послѣ «Исповѣди», выучился своей новой истинѣ у Платона Каратаева, воплотившаго въ своемъ лицѣ страдающій, смиренный и вѣрующій русскій народъ. Пьеръ тоже испыталъ потребность отреченія и жертвы. Кончилъ же компромиссомъ: онъ умилялся и дивился русскому народу, онъ старался внутренно совершенствоваться, онъ и на самомъ дѣлѣ совершенствовался,—но онъ не отказался отъ сладости жизни и продолжалъ, подъ руководительствомъ разума, возможно лучше устраивать свою судьбу. «Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ славно!» Не знаю, какъ другіе—что до меня, то я эти слова Пьера слышу и въ религіозно-богословскихъ произведеніяхъ, написанныхъ Толстымъ послѣ второго кризиса. Съ другой стороны онъ упрекаетъ современныхъ христіанъ въ невѣріи, ибо, говоритъ, у нихъ нѣтъ силы, нужной для вѣры. Вотъ эти замѣчательныя по глубинѣ и силѣ слова: «они (христіане) могутъ молиться Христу-Богу, причащаться, строить церкви, обращать другихъ; они все это и дѣлаютъ, но не могутъ дѣлать дѣлъ Христа, потому что дѣла эти вытекаютъ изъ вѣры, основанной на совсѣмъ иномъ ученіи, нежели то, которое они признаютъ. Они не могутъ принести въ жертву единственнаго сына, какъ это сдѣлалъ Авраамъ, между тѣмъ какъ Авраамъ не могъ, даже задуматься надъ тѣмъ, принести или не принести своего сына въ жертву Богу, тому Богу, который одинъ даетъ смыслъ и благо его жизни». Это—страшный вызовъ, брошенный Толстымъ современнымъ вѣрующимъ людямъ и своему собственному «ученію», поскольку оно проповѣдуетъ «разумъ». Кто осмѣлится принять его? Кто принесетъ своего первенца въ жертву? Вспомните вопросъ Достоевскаго о замученномъ ребенкѣ. Когда на старости лѣтъ этотъ вопросъ (въ иной только формѣ) пришелъ въ голову Миллю, онъ заявилъ, что скорѣй готовъ допустить, что Богъ не совсѣмъ всемогущъ, чѣмъ что съ его воли и согласія происходятъ на землѣ подобные ужасы. Джемсъ говоритъ еще рѣзче: такого Бога онъ бы ни за что не призналъ Богомъ. И надо прямо сказать: разумъ нашъ никогда не оправдаетъ жертвы Авраама, никогда не отдастъ на закланіе живого ребенка,—хотя бы и по требованію самого Бога. Если же найдется человѣкъ, который въ самомъ дѣлѣ отдастъ на закланіе свое любимое дѣтище или даже, какъ Авраамъ, самъ занесетъ ножъ надъ нимъ, то сомнѣнія уже быть не можетъ: онъ отвергъ разумъ и дѣйствовалъ въ порывѣ безумія. Таковыми и были всѣ пророки. Послушайте ихъ, посмотрите на ихъ жизнь. Богъ велѣлъ Іезекіилю ѣсть человѣческіе отбросы—и Іезекіиль послушался, ѣлъ. Если бы современный психіатръ увидѣлъ Іезекіиля, исполняющаго волю Бога, ему бы и въ голову не пришло, что предъ нимъ пророкъ, и онъ безъ колебанія надѣлъ бы на него смирительную рубашку. То же сказали бы (и говорили) врачи, интересовавшіеся ду-

шевными состояніями Толстого не послѣ, а во время кризисовъ, т.-е. не тогда, когда Толстой при помощи разума забывалъ сомнѣнія, а тогда, когда сомнѣнія побѣждали разумъ. Въ эти же, именно въ эти періоды—и въ молодости, и въ старости—Толстой болѣе всего напоминаетъ истиннаго пророка. Вѣра съ разумомъ никогда не примирятся. Никогда не примирятся душевный покой и счастье съ жертвой Авраама: тотъ, кто однажды убилъ своего сына, можетъ быть, будетъ великимъ геніемъ, пророкомъ, благодѣтелемъ человѣчества, но счастливымъ, разумнымъ и спокойнымъ человѣкомъ онъ уже не будетъ никогда. И, наоборотъ, та непримиримая вражда со счастьемъ и разумомъ, на которую иные люди отдаютъ всю свою жизнь, имѣетъ бо̀льшей частью свое начало и источникъ въ великой, нечеловѣческой жертвѣ. Можетъ быть, нужно, какъ учитъ Лютеръ, увѣровать, что для спасенія твоей одинокой, презрѣнной, грѣшной душонки потребовалось совершить преступленіе изъ преступленій, распять Сына Божьяго, совершеннѣйшее существо; можетъ быть, нужно увѣровать въ эту нелѣпость, въ этотъ абсурдъ, чтобы разъ навсегда перестать цѣнить разумъ съ его истинами и законами и преодолѣть тотъ кошмаръ нашей духовной ограниченности, который именуется современнымъ познаніемъ.

IX.

И вотъ, говорю, въ Толстомъ послѣ второго кризиса, какъ и послѣ перваго, въ Толстомъ «Войны и Мира», какъ въ Толстомъ «Исповѣди» и «Крейцеровой сонаты» наблюдается органическое соединеніе двухъ, повидимому, совершенно несоединимыхъ душъ. Съ одной стороны, въ немъ живетъ пророкъ, готовый послѣдовать примѣру Авраама и даже Іезекіиля, готовый сродниться съ безуміемъ, вызвать на смертный бой здравый смыслъ и пренебречь всѣми радостями жизни. Такимъ онъ бываетъ въ періоды своихъ кризисовъ, до той поры, пока здравый смыслъ не убѣдитъ его спуститься въ низовья обыденности, твердаго знанія, правилъ и «счастья». Съ другой стороны—онъ судорожно держится за разумъ и учитъ людей надѣяться, что религія есть какъ разъ то, что помогаетъ намъ устраивать свою жизнь. Послѣ «Исповѣди», послѣ того, какъ онъ увѣровалъ уже въ Бога, муки сомнѣнія и невѣрія далеко не покинули его. Я не говорю уже о «смерти Ивана Ильича». Можетъ быть, въ этомъ разсказѣ Толстой изображаетъ то, что онъ испыталъ до своего второго обращенія (но послѣ перваго, что тоже имѣетъ для насъ большое значеніе). Но Крейцерова соната? Даже для слѣпого ясно, что она порождена какими-то переживаніями, возникшими совершенно независимо отъ всѣхъ его религіозныхъ бореній и исканій. Именно въ то время, когда Толстой радостно отдавался своей высокой учительской миссіи,—открывалъ людямъ Евангеліе, въ его жизни произошло нѣчто неслыханно тяжелое, отвратительное и постыдное. Если бы Толстого въ это время кто-нибудь ударилъ по щекѣ, онъ бы спокойно и легко, даже съ радостью подставилъ бы дру-

гую. Но тутъ былъ, очевидно, такой ударъ (и, можетъ быть, не отъ чужой, а своей собственной руки), такое ужасное оскверненіе души, на которое для Толстого, какъ для Позднышева былъ возможенъ одинъ отвѣтъ: кинжаломъ. Подчеркиваю, для Толстого, вѣрующаго въ Евангеліе и непротивленіе злу, не было другого выхода. Объ этомъ говоритъ каждая строчка, каждое слово «Крейцеровой сонаты»: имѣющій уши, да слышитъ. Но, Толстой не убилъ, а смылъ оскорбленіе, написавши новое геніальное произведеніе. Пусть спеціалисты въ дѣлахъ чести разрѣшаютъ вопросъ, можно и должно ли такимъ способомъ смывать оскорбленія. Мнѣ кажется, что, если существуетъ загробная жизнь, такой вопросъ будетъ поставленъ не только по поводу «Крейцеровой сонаты», но также по поводу многихъ другихъ геніальныхъ произведеній. Какъ онъ будетъ рѣшенъ, сказать не берусь, и здѣсь мы его касаться не будемъ: въ силу своей всеобъемлемости онъ можетъ быть рѣшенъ только на страшномъ судѣ, ибо въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ мы не найдемъ достаточныхъ данныхъ для его освѣщеній. Я хочу указать лишь на то, что Толстой знаетъ, что такое жертва Авраама и каково заносить руку на то, что тебѣ дороже всего на свѣтѣ. И когда онъ въ своихъ сочиненіяхъ разсказываетъ намъ о своихъ жертвахъ, мы уже не можемъ вѣрить его увѣреніямъ, что такъ хорошо и такъ славно жить и что Христосъ можетъ научить—еще лучше и еще пріятнѣе жить. Мало можно назвать писателей, которые умѣли бы такъ подрывать вѣру въ разумъ и возможность счастливаго устроенія на землѣ, какъ Толстой. Достигаетъ онъ этого больше всего несоотвѣтствіемъ даваемыхъ имъ отвѣтовъ съ предлагаемыми имъ же самимъ вопросами. Не даромъ онъ два раза видѣлъ смерть, два раза разрушалъ и два раза созидалъ міръ. Кто научился у Толстого спрашивать, кто воспринялъ, какъ Толстой, казнь преступника, смерть брата, пытку Ивана Ильича, обиду Позднышева, тотъ, можетъ быть, будетъ протестантомъ или католикомъ, позитивистомъ или метафизикомъ,—но во всякомъ случаѣ, какихъ бы вѣрованій или ученій онъ ни держался, они даже и приблизительно не выразятъ его дѣйствительнаго отношенія къ міру, Богу и людямъ. Мнѣ кажется, что, можетъ быть, «ученіе» Толстого оттого такъ ясно, просто и неубѣдительно, что онъ безсознательно чувствуетъ, что все равно не претворишь въ слово всего того, что накопилось въ душѣ за долгія 80 лѣтъ трудной, сложной и огромной жизни. Разуму такая задача не по силамъ: пусть берется за посильныя задачи. Пусть обличаетъ, проповѣдуетъ, вырабатываетъ правила жизни, утѣшаетъ и учитъ людей. Ничего, конечно, значительнаго изъ того не выйдетъ, но та часть нашего существа, которая покоряется разуму, очень малаго и требуетъ.

Въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» Толстой разсказываетъ, что Карлъ Иванычъ, узнавши, что Иртеньевъ отказываетъ ему отъ мѣста, вернулся въ классную и продиктовалъ дѣтямъ слѣдующую фразу: Von allen Leidenschaften die grausamste ist die Undankbarkeit. И это его удовлетворило. «Лицо его не было угрюмо, какъ прежде, оно выражало довольство человѣка, достаточно

отмстившаго за обиду». Часто, когда я читаю негодующія статьи Толстого по поводу дѣйствительно ужасныхъ событій нашей современности, я вспоминаю нѣмецкую фразу Карла Ивановича. Ибо толстовское негодованіе, какъ я уже указывалъ въ началѣ статьи, такъ же мало устраняетъ зло и наказываетъ злыхъ, какъ и диктантъ Карла Ивановича. Оно довлѣетъ себѣ и развѣ только даетъ довольство человѣку, воображающему, что онъ достойно отмстилъ за обиду. Разумъ, когда ему выпадаетъ руководящая и отвѣтственная роль, всегда приводитъ къ такимъ бѣднымъ и обиднымъ результатамъ—и потому вся задача въ томъ, чтобъ отнять у него разъ навсегда руководительство. Можетъ быть, задача покажется по существу противорѣчивой и неисполнимой. Въ тайникахъ человѣческой души, повидимому, живетъ вѣчная боязнь, что наиболѣе глубокіе и священные запросы наши не могутъ быть удовлетворены. Иногда даже кажется, что и не должны быть удовлетворены. Ренанъ превосходно выразилъ эту мысль въ слѣдующихъ строкахъ: «Une complète obscurité, providentielle peut-être, nous cache les fins morales de l'univers. Sur cette matière, on parie; on tire à la courte paille; en realité, on ne sait rien. Notre gageure, à nous, notre real acierto à la façon espagnole, c'est que l'inspiration intérieure qui nous fait affirmer le devoir est une sorte d'oracle, une voix infaillible, venant du dehors et correspondant à une réalité objective. Nous mettons notre noblesse en cette affirmation obstinée, nous faisons bien; il faut y tenir même contre l'évidence. Mais il y a presque autant de chances pour que tout le contraire soit vrai. *Il se peut que ces voix intérieures proviennent d'illusions honnêtes, entretenues par l'habitude, et que le monde ne soit qu'une amusante féerie dont aucun dieu ne se soucie.* Il faut donc nous arranger de manière que, dans les deux hypothèses, nous n'ayons pas eu complètement tort. Il faut écouter les voix supérieures, mais de façon que dans le cas où la seconde hypothèse serait la vraie, nous n'ayons pas été trop dupés. *Si le monde, en effet, n'est pas chose serieuse, ce sont les gens dogmatiques qui auront été frivoles, et les gens du monde, ceux que les théologiens traitent d'etourdis, qui auront été les vrais sages*». Ренанъ правъ, иногда человѣкомъ овладѣваетъ мучительная мысль, что его святыня, то, что ему дороже всего на свѣтѣ,—есть только пошлая вульгарность и что на престолъ нужно возвести именно обыкновенную вульгарность, которую онъ всегда гналъ отъ себя и презиралъ, но которая одна и представляетъ изъ себя неистребимую временемъ, вѣчную сущность жизни. Кто не зналъ этого искушенія, тотъ, значитъ, не былъ даже еще у порога послѣдней жизненной загадки. Достоевскій назвалъ бы такого человѣка желторотымъ. Такому еще можно надѣяться на разумъ и искать въ разумѣ опоры. Онъ можетъ считать наше знаніе совершеннымъ знаніемъ, онъ можетъ въ проповѣди находить утѣшеніе и удовлетворяться негодующими словами. Онъ можетъ и въ сознательномъ, разумномъ ученіи Толстого видѣть сущность его жизни и дѣятельности. Въ послѣсловіи въ «Крейцеровой сонатѣ» онъ можетъ найти объясненіе этого геніальнаго произведенія, въ восклицаніяхъ Пьера, «ахъ,

какъ хорошо, ахъ, какъ славно!» и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ богословскихъ и моральныхъ сочиненій Толстого онъ можетъ найти откликъ на свои задушевнѣйшія мечты и даже признаки вѣчной, непоколебимой вѣры. И ему ничего возразить нельзя. Послѣднія цѣли мірозданія, какъ говоритъ Ренанъ, скрыты въ глубокомъ мракѣ и, быть можетъ, по волѣ Творца. Но если это такъ, если и въ самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ и не можетъ быть ясныхъ указаній на то, кто владѣетъ нами и чего отъ насъ требуютъ, если нашъ разумъ такъ устроенъ, что онъ равно допускаетъ самыя противоположныя объясненія міровыхъ цѣлей и готовъ поочередно возводить на престолъ и пошлость и высокую добродѣтель,—кто же можетъ заставить насъ жить въ мирѣ съ такимъ разумомъ? Добро бы онъ былъ всемогущимъ или, если хоть не всемогущимъ, то очень могущественнымъ, могъ бы справиться съ нашими элементарными нуждами! Можетъ быть, своекорыстное человѣчество соблазнилось бы матеріальными выгодами. Но, рано или поздно, наступаетъ моментъ въ нашей жизни, когда разумъ безсильно пассуетъ и не умѣетъ ничего для насъ сдѣлать: какъ страшно и какъ чудесно разсказываетъ объ этомъ Толстой! И тогда возникаетъ у человѣка непреклонное рѣшеніе разъ на всегда порвать съ этимъ жалкимъ и коварнымъ союзникомъ. Что угодно, только не разумное! И тогда, только тогда, когда человѣкъ почувствовалъ совершенную невозможность жить съ разумомъ, впервые возникаетъ у него вѣра. Большей частью онъ этого не знаетъ, т.-е. онъ не думаетъ, что его измѣнившееся отношеніе къ міру заслуживаетъ такого названія, что оно вообще имѣетъ какую-нибудь заслугу, чего-нибудь стоитъ! Онъ думаетъ, что вѣрой должно называть приверженность человѣка къ какой-нибудь церкви, къ какимъ-нибудь догмамъ, къ этическимъ ученіямъ или, по крайней мѣрѣ, интересъ къ такъ называемымъ послѣднимъ вопросамъ нашего бытія. А то, что въ немъ—все такъ дико, гнусно, безпорядочно, хаотично, нелѣпо, отвратительно, все подлежитъ истребленію, уничтоженію. Безподобно разсказалъ покойный Чеховъ о такихъ своихъ душевныхъ состояніяхъ въ «Скучной исторіи». Объ этомъ же разсказываетъ и Толстой во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, поскольку они отражаютъ въ себѣ оба пережитыхъ имъ кризиса, обѣ его встрѣчи со смертью. И именно то, что выводитъ насъ изъ нашего обычнаго равновѣсія, что разрываетъ, раздробляетъ на безконечно малыя части нашъ опытъ, что отнимаетъ у насъ радости, сонъ, правила, убѣжденія и твердость, все это—есть вѣра, все это—моменты соприкосновенія съ мірами иными, выражаясь словами Достоевскаго. И пока мы живемъ въ этомъ мірѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы вѣра была нашимъ постояннымъ душевнымъ состояніемъ. Человѣку нужна передышка. Нужно ему вздохнуть и сказать: «какъ хорошо, какъ славно!», нужна ему твердость, правила, почва. И, въ силу того, что съ незапамятныхъ временъ человѣкъ пріучился думать, что тамъ, гдѣ ему хорошо, гдѣ есть обезпеченность и увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, тамъ и послѣдняя истина, и вѣчное, неистребимое временемъ благо,

такія душевныя состоянія и называются великимъ словомъ «вѣра»,—они же потому и согласуются съ нашими знаніями и съ нашимъ разумомъ, дабы общими усиліями вѣры, знанія и разума создать прочный оплотъ для бѣдной, предоставленной всѣмъ случайностямъ, человѣческой жизни. Дважды взглянулъ въ лицо настоящей смерти Толстой, дважды вырывался онъ изъ власти человѣческихъ суевѣрій и предразсудковъ и много разсказалъ онъ намъ о томъ иномъ мірѣ, куда звала его страшная гостья. И оба раза онъ вернулся обратно. Можетъ правъ, былъ Ахиллъ: лучше быть поденщикомъ въ этомъ мірѣ, чѣмъ царемъ въ мірѣ тѣней, и правъ былъ Экклезіастъ—лучше быть живымъ псомъ, чѣмъ мертвымъ львомъ. И Ренанъ, быть можетъ, правъ: не слѣдуетъ рисковать даже въ области философіи. Но Толстой сталъ Толстымъ и научился разрушать и создавать міры лишь послѣ того, какъ онъ взглянулъ въ лицо смерти и постольку, поскольку онъ ушелъ отъ нашихъ традиціонныхъ истинъ. Его «Исповѣдь» кончается, какъ читатель помнитъ, описаніемъ приснившагося ему сна. Самое замѣчательное въ этомъ разсказѣ не его мораль, какъ хочетъ Толстой, а единственная въ своемъ родѣ передача логики сновидѣнія. Въ *этомъ* нужно видѣть великій символъ, здѣсь нужно искать разгадку толстовскаго генія. Кончается сонъ такими словами: «и тутъ, какъ это часто бываетъ во снѣ, мнѣ представляется тотъ механизмъ, посредствомъ котораго я держусь очень естественнымъ, понятнымъ и несомнѣннымъ, несмотря на то, что на яву этотъ механизмъ не имѣетъ смысла». Вотъ Толстой, тотъ, который написалъ «Три смерти» и черезъ полстолѣтія написалъ «еще три смерти». Онъ наполовину пробудился отъ сна жизни и чувствуетъ, что естественность, понятность и несомнѣнность вовсе не тамъ, гдѣ насъ пріучили искать ихъ наши учителя, эмпирики и метафизики, вѣрующіе и безбожники. Власть традицій безсильна надъ тѣмъ, кто можетъ и долженъ открыть глаза. Къ счастію, къ радости ли это—Богъ вѣсть. Но къ чему-то совсѣмъ новому, неизвѣданному,—это несомнѣнно...

Вѣроятно, статья эта не попадется на глаза Толстому. О немъ всегда, а теперь въ особенности такъ много пишутъ, что онъ едва ли въ состояніи прочесть и сотую долю посвящаемыхъ ему статей. Но если попадется, онъ навѣрное скажетъ обо мнѣ, какъ говорилъ о Ницше, «рака» или безумный — не успугавшись ни синедріона, ни геенны огненной. Что-жъ? Съ этимъ нужно примириться. Я же закончу тѣмъ, съ чего началъ: The time is out of joint. И прибавлю: мы пальцемъ о палецъ не ударимъ, чтобы поставить время на его прежнее мѣсто—пусть разбивается въ дребезги.

Л. Шестовъ.